

ПОТАНЦУЙ СО МНОЙ, ДРАКОН ИЛИ ТАНЕЦ ДРАКОНА

Романтическое Фэнтези

18+

Анастасия Смирнова

Потанцуй со мной, дракон или танец дракона.

<https://litres.ru/73997479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя мать мечтала, чтобы я посетила бал в поисках достойного жениха. В высшем обществе этот бал считается «балом судьбы». Я долго сопротивлялась, но в конце концов мне пришлось согласиться. На балу я встретила красивого и властного мужчину Райна. Один танец с ним запомнился мне на всю жизнь. Райан так сильно влюбился в меня, что осмелился прийти ко мне домой и попросить о трехлетнем брачном контракте. Он надеялся, что за эти три года заставит меня влюбиться в него. Но я не так проста. Этот дракон ещё пожалеет о том, что захотел сделать меня своей женой. Романтическое фэнтези.

Содержание

Глава 1: Ловушка из парчи и кружева.	4
Глава 2: Дорога в логово зверя.	18
Глава 3: Испытание пеплом и ветром.	34
Глава 4: Искры в лекционном зале.	50
Глава 5: Пыль веков и серебряные искры.	62
Глава 6: Чернила и Пламя.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Потанцуй со мной, дракон или танец дракона.

Глава 1: Ловушка из парчи и кружева.

— Еще полдюйма, Элиза! Напрягись, дитя мое, иначе этот шедевр столичного портновского искусства просто соскользнет с твоих плеч в самый неподходящий момент!

Голос матушки, вдовствующей графини де Валуа, звенел от опасной смеси предвкушения и легкой исторической истерии. Она лично, вооружившись костяным стеклом для шнуровки, контролировала процесс моей «упаковки». Семь горничных суетились вокруг, боясь дышать. Платье цвета полудночного неба — тяжелый, плотный шелк из заморских провинций — облегло фигуру как вторая кожа. Ткань, расшитая тысячами микроскопических бриллиантов ручной огранки, вспыхивала синими и серебряными искрами при каждом моем вздохе, который давался с невероятным трудом. Корсет из китового уса безжалостно сжимал ребра, выталкивая наверх округлость груди.

Я искренне считала этот вечер изошренной светской пыткой.

«Бал Судьбы» — так в высшем обществе пафосно именовали ежегодный королевский прием, куда съезжалась вся титулованная элита империи. Матушка грезилась этим событием последние три года, с тех самых пор, как скончался отец, оставив груды долгов и наше поместье в залоге. Она без конца твердила, что именно там, под хрустальными сводами, я найду «достойную партию», способную спасти имя де Валуа. Я же сопротивлялась до последнего, изобретая то внезапную мигрень с прикладыванием уксусных компрессов, то ложную подвернутую лодыжку. Но сегодня лимит моих оправданий иссяк. На кону стояла семейная честь и, что куда важнее для матушки, её хрупкое душевное спокойствие.

«Потерпи всего один вечер, — убеждала я себя, глядя в старинное венецианское зеркало на бледную девушку с упрямым разлетом бровей, копной непослушных каштановых волос и слишком темными, почти черными глазами. — Поулыбаешься престарелым графам, вежливо выслушаешь сплетни, съешь пару миндальных пирожных и вернешься к своим любимым книгам по тактике и географии».

Если бы я только знала, как сильно ошибалась.

Атмосфера в огромном мраморном зале Академии Искусств, где проходил бал, буквально искрилась. Но это было странное, тяжелое электричество. Воздух, пропитанный ароматами дорогих масел, пудры и сотен восковых свечей, казался слишком горячим, удушливым — несмотря на распахнутые настежь двери террас и прохладный майский ве-

чер, дышавший свежестью сирени.

Я стояла у массивной малахитовой колонны, лениво потягивая чуть тепловатое шампанское из хрустального фужера-флейты и наблюдая за маскарадом. Мужчины на этом балу выглядели пугающе необычно. Слишком высокие, с безупречной военной выправкой, хищными, словно высеченными из гранита чертами лица. Их движения были избыточно плавными, бесшумными. А глаза мне готово было почудиться, что в полумраке галерей, куда не доходил свет многоярусных люстр, их зрачки едва заметно поблескивали потусторонним, фосфорическим светом. В этих людях чувствовалась скрытая, первобытная мощь, которую не могли скрыть даже бархатные колеты и кружевные жабо.

Я не знала главного. Этот бал давно не был ярмаркой тщеславия для человеческой знати. Это были смотрины. Территория охоты. Место, где высшие драконы в человеческом облики раз в столетие выбирали себе невест среди смертных, ища ту самую, чья кровь и генетическая магия способны были усмирить их бушующее внутреннее пламя.

И я пришла сюда абсолютно безоружной.

Очередной напыщенный менюэт подошел к концу, когда я почувствовала, как тонкие волосы на шее встали дыбом, а по спине разлился арктический холод. Словно на меня через оптический прицел навели кавалерийский мушкет.

Я медленно повернула голову и замерла, забыв, как дышать. Через пеструю, надушенную толпу, совершенно не за-

мечая расступающихся перед ним герцогов и заискивающе улыбающихся лордов, шел мужчина. Высокий, с разворотом плеч истинного воина, в строгом черном камзоле из матовой кожи и сукна, украшенном глухой серебряной вышивкой в виде стилизованных языков пламени. Его волосы были темными и блестящими, как крыло ворона, а лицо казалось шедевром древнего скульптора — хищные скулы, тяжелый волевой подбородок и тонкие губы, замершие в едва заметной, высокомерной усмешке.

Но больше всего меня поразили его глаза. Тягучие, янтарно-золотые, цвета расплавленного меда. И посреди этой роскоши — узкий, вертикальный зрачок. Стоило ему встретиться со мной взглядом, как этот зрачок расширился, практически затопив золото черной бездной.

— Вы позволите этот танец, леди? — его голос прозвучал как низкий, вибрирующий рокот весеннего грома. От этого звука у меня внутри сладко, испуганно и как-то обреченно екнуло сердце.

Он не ждал ответа и не просил согласия. Его ладонь, обжигаяще горячая даже сквозь мою тонкую шелковую перчатку, уверенно и деспотично легла на талию, буквально отрывая меня от земли и увлекая в самый центр танцевальной залы.

Оркестр на хорах внезапно оборвал классическую сарабанду. Смычки ударили по струнам, заиграв тяжелое, синкопированное, полное чувственного надрыва танго — абсо-

лютно немислимы, скандальны выбор для чопорного королевского бала.

Незнакомец вел меня с невероятной, пугающей уверенностью. Каждое его движение дышало скрытой грацией огромного, сытого зверя, играющего со своей добычей. При каждом шаге я чувствовала перекаты жестких мышц под его камзолом.

— Вы не представились, сир, — тихо, но твердо сказала я, отчаянно пытаюсь вернуть себе самообладание и не выдать того, как сильно дрожат мои колени.

От него пахло озоном, дорогим горьким табаком и едва уловимым, будоражащим ароматом костра после грозы.

— Райан, — коротко бросил он.

В следующее мгновение он развернул меня в резком па, прижимая к своему телу чуть сильнее и плотнее, чем требовали любые, самые свободные приличия.

— А твое имя я уже знаю, маленькая графиня. Элизабет.

— Мы знакомы? — я удивленно вскинула брови, глядя в его полыхающее лицо.

— Еще нет. Но у нас впереди вся жизнь, чтобы исправить это недоразумение, — в его золотых глазах на секунду отразилось самое настоящее, нечеловеческое пламя, заставившее бриллианты на моем корсаже вспыхнуть багровым.

Этот танец длился вечность и одновременно пролетел как один безумный миг. Когда музыка резко затихла на финальной минорной ноте, Райан не отпустил меня. Он медленно

поднял мою ладонь к своим губам, запечатлев на тыльной стороне долгий, горячий поцелуй. По моей коже, прошибая предплечье, пробежали самые настоящие электрические искры.

— До скорой встречи, Элиза, — прошептал он прямо в губы, обдав меня жарким дыханием, и растворился в толпе так же быстро и бесшумно, как и появился.

Я осталась стоять посреди зала, тяжело дыша, с растрепавшимися локонами. Мое сердце колотилось о ребра корсета как сумасшедшая птица. Я понимала: этот вечер изменил всё. Его янтарный взгляд отпечатался на моей сетчатке, а жар рук, казалось, до сих пор прожигал шелк платья.

Прошло три дня. Наше тихое поместье на окраине столицы жило своей размеренной жизнью. Я почти успела убедить себя, что загадочный Райан — просто столичный фронт, щеголь из высших магических гильдий, решивший поиграть в таинственность.

Ровно до тех пор, пока в нашу скромную, пахнущую сухими травами гостиную не вошел старый дворецкий Жан. Его лицо было бледным, как накрахмаленный воротничок, а серебряный поднос в руках заметно дрожал.

— К вам лорд Райан АрКсандер. Верховный лорд Огненных Земель. Повелитель Драконьего Кряжа.

Матушка издала короткий горловой звук и едва не лишилась чувств, судорожно вцепившись в обивку софы. Я же заледенела, когда в комнату уверенным, хозяйским шагом во-

шел мой ночной кавалер. На нем был строгий дорожный костюм из темно-серой шерсти, высокие замшевые сапоги в пыли дорог, а в руках он держал плотный, тяжелый свиток из пожелтевшего пергамента, скрепленный массивной сургучной печатью с оттиском пикирующего ящера.

Он не стал терять время на светские расшаркивания и пустые любезности. Едва заметно кивнув моей ошарашенной матери, Райан повернулся ко мне. В его глазах, подернутых полуденным золотом, горела абсолютная, непоколебимая уверенность хищника, который загнал добычу в угол и теперь лениво любит её испугом.

— Я пришел просить вашей руки, леди Элизабет. Вот брачный контракт. Срок его действия — ровно три года.

Я на секунду лишилась дара речи, глядя на этот свиток, от которого отчетливо веяло чужеродной, давящей магией.

— Контракт? На три года? Вы с ума сошли, милорд? Я вас не знаю! Вы врываетесь в наш дом и

— Этого времени мне вполне хватит, чтобы заставить тебя искренне, глубоко и до беспамятства влюбиться в меня,

— наглый, властный дракон сделал длинный шаг вперед, сокращая расстояние между нами до позорного минимума. Я почувствовала, как от него снова повеяло сухим теплом. — Ты станешь моей женой, Элиза. Это решено в Совете Высших.

Он думал, что я упаду к его ногам от одного его грозного титула? Думал, что перед его богатством, древней кровью и

нечеловеческой харизмой невозможно устоять человеческой девчонке? О, он крупно, катастрофически ошибся. Я выпрямила спину, расправила плечи и посмотрела прямо в его янтарные глаза, в которых сейчас отражалось мое собственное, фамильное упрямство де Валуа.

«Ты хочешь поиграть в укрощение, чешуйчатый лорд? Что ж. Ты сам принес этот приговор. Через три года ты будешь умолять меня о пощаде, потому что этот дракон еще очень сильно пожалеет, что решил притащить в свое логово человеческую женщину».

— Вы слишком самоуверенны, лорд Арксандер, — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя в груди все клокотало от ярости и странного, пугающего азарта. — Три года? Вам не кажется, что для моей капитуляции вам понадобится гораздо меньше времени? Например, вечность, которой у смертных нет, а у вас не хватит терпения купить.

Матушка, сидевшая на софе, издала еще один тихий, удушливый писк и судорожно потянулась к флакону с лавандовой водой, стоявшему на круглом столике. Её можно было понять: отказать верховному дракону, чье имя заставляло трепетать три сопредельных империи, считалось чистым безумием и билетом на плаху.

Но Райан не разозлился. Напротив, уголки его губ дрогнули в едва заметной, искренней хищной усмешке. Он медленно, с намеренной медлительностью опустил свиток на лакированную поверхность кофейного столика, и этот сухой

стук показался мне ударом перчатки. Объявлением войны. Каждое его движение было пропитано ленивой грацией сытого леопарда, который точно знает: клетка заперта, добыча никуда не денется.

— Я люблю сложные, невыполнимые задачи, Элиза, — его взгляд медленно скользнул по моему лицу, на секунду задержавшись на губах, а затем снова поднялся к глазам. Вертикальные зрачки на мгновение сузились до состояния тонких, острых бритвенных лезвий. — Смирные, домашние птицы быстро надоедают. Из них выходят плохие спутницы для хозяина пламени. Мне нужна та, что умеет летать. Или, по крайней мере, отчаянно пытается сопротивляться сетям.

— Я не птица, чтобы держать меня в золотой клетке ваших замков, — я сделала шаг вперед, демонстративно сокращая дистанцию, чтобы показать: его пугающая, подавляющая аура высшего существа на меня не действует.

Хотя, видит небо, действовала. Воздух вокруг Райана казался более плотным, вибрирующим. Он пах надвигающейся грозой и сухим, разогретым на солнце деревом. Этот жар физически ощущался кожей лица, словно я подошла слишком близко к жерлу кузнечного горна.

— В контракте указаны все условия, — Райан кивнул на пергамент, проигнорировав мой выпад. — Никакого принуждения к истинной, физической близости, пока ты сама этого не пожелаешь и не позовешь меня. Полная свобода перемещения в пределах моих южных владений. Содержание,

достойное королевы человеческих земель. И один маленький нюанс.

— Какой же? — я прищурилась, лихорадочно ища подвох между строк.

— Твоя подпись должна быть скреплена каплей живой крови. Драконьи брачные соглашения не терпят обычных чернил. Они связывают души, а не только обязательства.

Я перевела взгляд на свиток. Текст был написан изящной угловатой вязью на древнем руническом наречии, но магия, струившаяся от золотистых букв, легко переводила слова прямо в моем сознании. Всё было именно так, как он сказал. Никакого насилия, полная материальная независимость моей семьи (что мгновенно перекрывало все долги отца и спасало матушку от нищеты), и четкий пункт о расторжении через тридцать шесть месяцев, если «стороны не придут к обоюдному согласию».

Он действительно думал, что сможет купить мою покорность за золото, замки и безопасность? Думал, что магия «Бала Судьбы» уже сделала меня податливой глиной в его когтистых лапах?

«Ты понятия не имеешь, с кем связался, чешуйчатый лорд, — подумала я, ощущая, как в жилах закипает чистое, незамутненное упрямство поколения де Валуа. — Мой отец, надеясь на сына, учил меня фехтованию, дипломатии и логике, а не вышиванию крестиком и кротости. Если ты хочешь поиграть в брак — мы поиграем. Но правила здесь буду дик-

товать я».

Я решительно подошла к столику. На стене, среди трофеев покойного отца, висел декоративный нож для писем — изящный, с рукоятью из слоновой кости и тонким стальным лезвием. Не колеблясь ни секунды, я вытащила его из ножен и слегка прижала к подушечке указательного пальца. Сталь была острой. Из небольшого пореза тут же выступила маленькая, круглая, рубиновая капля крови.

Матушка тихо пискнула, закатила глаза и окончательно закрыла лицо кружевным веером.

Райан замер. Его ленивая поза мгновенно испарилась, уступив место предельной концентрации хищника. Ноздри мужчины едва заметно дрогнули, когда в воздухе разлился едва уловимый, сладковатый аромат моей крови. В глубине его золотых глаз на долю секунды вспыхнуло яростное, багровое пламя — первобытное, древнее, драконье. Он сделал короткий шаг вперед, словно ведомый инстинктом, но взял себя в руки.

Я, не мигая, смотрела ему прямо в глаза. Медленно опустив руку, я прижала палец к нижней части пергамента, оставляя аккуратный красный отпечаток прямо поверх золотого тиснения с гербом Арксандеров.

Магия свитка тут же отозвалась на прикосновение. Пергамент под моей ладонью вспыхнул коротким, ослепительным изумрудным сиянием. Воздух в комнате на секунду заложил, как при ударе молнии. Капля крови мгновенно впиталась

в волокна бумаги, оставив после себя темный, нестираемый след, отливающий серебром.

— Дело сделано, лорд Арксандер, — я гордо вскинула подбородок, откладывая нож, и посмотрела на своего новоиспеченного «мужа». — Контракт подписан. Но запомните этот день. Через три года вы будете лично, собственными руками открывать передо мной тяжелые ворота своего замка и умолять, чтобы я ушла. Потому что я превращу вашу размеренную, тысячелетнюю жизнь в самый настоящий ад.

Райан сделал глубокий вдох, словно смакуя мои слова, и на его порочном, красивом лице расцвела ослепительная, пугающе довольная улыбка. В ней не было угрозы — только чистый, первобытный восторг охотника, встретившего достойного противника.

— О, моя дорогая Элиза... — он шагнул ко мне так быстро, что я даже не успела отпрянуть или выставить руку.

Его пальцы, жесткие и горячие, перехватили мою раненую ладонь. Он поднял её и нежно, но крепко прижал к своим губам именно то место, где был укол. Жар от его дыхания и странная, покалывающая магия, сошедшая с его губ, мгновенно уняли легкую боль, затянув порез прямо на глазах.

— Я с нетерпением буду ждать каждой секунды этого ада. Собирай вещи, графиня. Завтра на рассвете, как только солнце коснется шпилей, мы отправляемся в Драконьи Горы. Нашу новую обитель.

Его губы оказались обжигающе мягкими, и от этого мимо-

летнего прикосновения по моей руке вверх метнулась волна необъяснимого тепла. Стоило Райану отстраниться, как я с изумлением заметила, что на месте прокола не осталось даже крошечного следа — кожа была абсолютно чистой и гладкой.

— До рассвета, моя леди, — он отвесил легкий, издевательски-безупречный поклон и, развернувшись на каблуках своих высоких сапог, покинул гостиную. Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ним с тихим, но веским стуком, похожим на удар судейского молотка.

Как только шаги дракона стихли за окном, матушка внезапно обрела способность дышать, говорить и двигаться одновременно. Флакон с лавандовой водой был отброшен на подушки.

— Элиза! — взвизгнула она, всплеснув руками. Ее лицо покраснелось от восторга. — Верховный лорд! Сам АрКсандер! О, небеса, нужно немедленно собирать сундуки! Твои бархатные платья, шелковые сорочки, фамильные драгоценности...

Пока графиня де Валуа металась по комнате, отдавая суматошные приказы горничным, я стояла неподвижно, глядя на пустой кофейный столик. Контракт исчез вместе с Райаном. Моя прежняя, тихая жизнь растворилась в утреннем тумане, который уже начинал клубиться за окнами.

«Я сама отдала себя в руки чудовищу, — пронеслась в голове пугающе ясная мысль. — Но если это чудовище ждет, что я стану его покорной тенью, его ждет жестокое разоча-

рование».

Остаток ночи прошел в лихорадочных сборах. Я демонстративно игнорировала кружева и парчу, которые пыталась всучить мне мать, укладывая на дно дорожного сундука плотные платья для верховой езды, прочные кожаные ботинки и, самое главное, стопку тяжелых фолиантов. Книги по истории Драконьих Гор, древние легенды и травники — всё, что могло стать моим оружием на вражеской территории.

Глава 2: Дорога в логово зверя.

Рассвет выдался зябким, сырым и по-зимнему бесцветным. Густой молочно-белый туман выползал из низин, накрывая увядающий сад поместья де Валуа. Ночной заморозок превратил росу на жухлой траве лужайки в колючие, хрупкие кристаллы, которые с хрустом ломались под подошвами слуг, выносящих мои сундуки. Я стояла на каменном крыльце, зябко кутаясь в тяжелый дорожный плащ из плотного изумрудного сукна, подбитый лисьим мехом. Пальцы, все еще помнящие вчерашний укол ножа, судорожно сжимали шерстяную ткань, но взгляд мой был прикован к чудовищу, замершему у парадных ворот.

Там, тяжело осев на рессорах, ожидал экипаж. Это была не изящная городская карета с лакированными бортами, к которым я привыкла в столице. Передо мной стоял массивный, пугающий до дрожи сухопутный корабль, выточенный из мореного обсидианового дуба. Его швы и углы были укреплены полосами черненого железа и кованого серебра. На массивных дверцах, покрытых слоем дорожной изморози, тускло поблескивал фамильный барельеф — рельефная, яростно оскаленная драконья пасть, застывшая в немом крике среди литых языков пламени.

Но по-настоящему жутко становилось при взгляде на упряжь. Шесть огромных, угольно-черных жеребцов, чья

мускулатура перекатывалась под лоснящейся кожей, нетерпеливо рыли обледенелую брусчатку тяжелыми копытами. При каждом их оглушительном выдохе из ноздрей вырывались длинные, плотные струи густого белесого пара, пахнущего паленой шерстью и серой. А их коническая, хищная оптика глаз горела тем самым потусторонним, янтарно-золотым светом, который преследовал меня в кошмарах последние три дня.

Райан ждал у распахнутой дверцы. Сегодня на нем не было светского лоска: длинный, до самых пят дорожный плащ из толстой черной кожи дракона, перехваченный в талии широким ремнем с тяжелой пряжкой, делал его монументальную фигуру еще шире, массивнее и опаснее. Ветер трепал его темные волосы, но он даже не щурился.

— Готова к долгому путешествию, моя законная жена? — его голос прозвучал как низкий, бархатистый рокот, легко перекрывший завывание утреннего ветра. Слово «жена» он буквально покатал на языке, выделив его особой, издевательски-дразнящей интонацией.

— Не смейте называть меня так, лорд Арксандер, — ледяным тоном отозвалась я, медленно спускаясь по ступеням и стараясь, чтобы подол платья не касался грязной земли. — Наш контракт четко гласит: у нас нет и не будет супружеских обязательств, пока я сама не решу иначе. Сейчас я — ваша гостья. Вынужденная, глубоко недовольная гостья.

— Как скажешь, Элиза, — Райан едва заметно усмехнул-

ся, и в его золотых глазах промелькнула искра азарта. Он безупречным жестом истинного лорда протянул мне руку в черной кожаной перчатке, предлагая опереться, чтобы подняться по высокой откидной подножке.

Я демонстративно проигнорировала его ладонь. Перехватив тяжелые складки изумрудной юбки, я сама, удерживая равновесие из последних сил, ловко скользнула в глубокое нутро экипажа.

Внутри карета оказалась неожиданно просторной — здесь без труда могли бы разместиться шесть человек, — а главное, теплой. Стоило дверце захлопнуться, как уличный холод отступил. Широкие сиденья были обиты мягким, глубоким темно-красным бархатом, напоминающим цвет спелой вишни. Под ногами лежал густой, пушистый мех огромного полярного медведя, в котором буквально тонули мои ботинки. На стенах, в изящных серебряных бра, мерцали ровным, бездымным светом заколдованные кристаллы, заливая салон мягким янтарным сиянием. Воздух здесь был особенным — он плотно пах свежей хвоей, благородным сандалом и тем самым едва уловимым, будоражащим ароматом костра после дождя, который исходил от кожи самого лорда.

Дракон сел напротив. Его присутствие мгновенно перетянуло на себя весь воздух в замкнутом пространстве. Стоило ему вытянуть свои длинные ноги, едва не касаясь моих коленей, как я инстинктивно вжалась в спинку сиденья, стараясь казаться как можно незаметнее.

— В путь! — коротко бросил он в приоткрытое узкое окошко.

Экипаж тронулся. Я приготовилась к жесткому удару и тряске, но карета поплыла вперед удивительно плавно, словно скользила по шелку. Ни скрипа старых рессор, ни стука колес — лишь глухой, утробный топот шести пар демонических копыт. Черные жеребцы рванули с места, унося меня прочь от родного гнезда, мимо бледнеющей фигуры матушки на крыльце, всё дальше на суровый север. К неприступным скалам.

— Наш путь займет около трех дней, — Райан вольготно откинулся на бархатную спинку, скрестив мощные руки на широкой груди. Его янтарные глаза, сузившиеся до тонких вертикальных щелочек, сканировали мое лицо с дотошностью ювелира, изучающего редкий алмаз. — Можешь задавать свои вопросы, Элизабет. Я буквально физически вижу, как они роятся в твоей прелестной, упрямой голове.

Я вздернула подбородок, поправляя воротник плаща, и посмотрела на него в упор.

— Вопрос у меня только один, милорд. Почему именно я? Будем честны: на «Балу Судьбы» блистали десятки девушек. Дочери герцогов, первые красавицы империи с огромным приданым и, что немаловажно, покладистым, кротким нравом. Зачем верховному лорду Огненных Земель тратить три года своей жизни на фарс с обедневшей человеческой аристократкой?

Райан медленно наклонился вперед, положив локти на колени. Пространство между нами сжалось до нескольких дюймов. Я кожей почувствовала исходящий от него сухой, почти осязаемый жар.

— Потому что, Элиза, — его голос упал до глубокого, грудного регистра, став похожим на мурлыканье сытого пантера, — истинные драконы никогда не выбирают женщин по белизне кожи, симметрии лиц или количеству золота в их сундуках. Мы выбираем по двум вещам: по уникальному запаху крови и силе духа. Твоя кровь, девочка моя, пахнет приближающейся грозой, озоном и чистым мятежом. А твой дух...

Он сделал паузу, заставив меня затаить дыхание. Его зрачки на мгновение расширились, затапливая золото глаз.

— ...Твой дух оказался единственным во всем этом душном зале, который не согнулся, не сломался и не затрепетал под моим давлением. Ты думаешь, что бросила мне вызов, хладнокровно подписав этот контракт своей кровью? Нет. Вызов бросил я. И я — существо, живущее веками, — намерен этот раунд выиграть.

Я лишь натянуто, одними уголками губ улыбнулась в ответ на эту высокомерную тираду, пообещав себе, что последнее слово все равно останется за мной. И говорить его будут мои поступки.

Дорога в Драконьи Горы казалась бесконечной лентой. За три дня пейзаж за узким стеклом изменился до неузнаваемо-

сти. Цветущие весенние луга и аккуратные перелески столицы сменились вековыми, угрюмыми хвойными лесами, где сосны подпирали серое небо. А затем начались они — величественные, иссиня-черные скалы Драконьего Кряжа, чьи острые вершины тонули в тяжелых, набухших грозовых тучах. Огромные замшелые валуны по обочинам тракта казались застывшими древними стражами, безмолвно стерегущими границы Истинных Хозяев огня.

Следующие две недели в Обсидиановой Цитадели — родовом гнезде Райана — превратились в нашу личную, окопную войну. Замок, буквально высеченный внутри гигантской монолитной скалы, давил своим мрачным величием. Бесконечные анфилады залов из темного полированного камня, огромные гобелены, пахнущие вековой пылью, с изображениями кровавых битв, и слуги-человекоподобные тени, передвигавшиеся тише мышей.

Но я не собиралась становиться безмолвной деталью этого интерьера.

Во-первых, я наотрез, до хрипоты отказалась от роскошных покоев в главном корпусе, соседствующих со спальней Райана. Вместо этого я заняла ледяную, уединенную башню на самом краю западного крыла, где ветер выл в бойницах.

Во-вторых, все его подарки — отрезки редчайшего огненного шелка, флаконы с заморскими духами и тяжелые ожерелья из искрящихся рубинов — я приказала запереть в кованых сундуках. Я продолжала носить свои строгие, закры-

тые человеческие платья и целыми днями пропадала в колоссальной замковой библиотеке, лихорадочно изучая историю и слабые места драконьей расы.

Райан, к моему раздражению, наблюдал за этим бунтом с плохо скрываемым, сытым удовольствием. Каждую нашу совместную трапезу он превращал в ментальный поединок, пытаясь нащупать мои слабые стороны тонкой иронией, но раз за разом натыкался на стену моей безупречной, ледяной вежливости. Странно было другое: он казался подозрительно свободным для верховного правителя. Ни бесконечных очередей просителей, ни свиты, ни военных советов. Словно весь его грозный мир был поставлен на паузу ради одной меня.

Правда обрушилась на меня на исходе четырнадцатого дня. Мы ужинали в малой каминной столовой. В огромном очаге с треском прогорали толстые березовые поленья, бросая багровые блики на стены. На тяжелых серебряных блюдах исходил ароматным паром запеченный окорок кабана с дикими травами, а в хрустальных кубках переливалось густое, почти черное ежевичное вино.

Райан, сидевший во главе стола, неторопливо отставил кубок и промокнул губы шелковой салфеткой с вышитым гербом.

— Завтра мой затянувшийся отпуск официально завершается, Элиза, — ровным, деловым тоном произнес он. — Пора возвращаться к настоящей, рутинной работе.

— И какова же работа у великого и ужасного лорда АрКсандера? — я приподняла бровь, аккуратно отправляя в рот кусочек острого козьего сыра. — Набеги на беззащитные пограничные королевства? Или монотонный подсчет золота в сырых подземельях?

— Почти, — Райан тихо, бархатно рассмеялся, и этот звук неожиданно отозвался странной вибрацией где-то у меня в груди. — Я — действующий ректор Высшей Академии Драконьей Магии «Драконис». И завтра на рассвете мы отправляемся туда. Вместе.

От неожиданности я едва не поперхнулась вином, со стуком опустив кубок на стол.

— Что значит — вместе?! Я не собираюсь сидеть в вашем приемном кабинете в качестве декоративного трофея или дорогой мебели!

— Ты будешь там учиться, — огорошил он меня, и на его губах заиграла та самая хищная, мальчишеская улыбка, которая делала его пугающе живым. — У тебя редчайший, задокументированный дар к магии отрицания, Элиза. «Бал Судьбы» пробудил его, вытащил наружу из спящего состояния, хочешь ты того или нет. В моей академии учатся не только молодые ящеры, но и одаренные люди. Ты поступишь на первый курс общего потока. Будешь жить в стандартном общежитии, грызть гранит науки на лекциях и сдавать экзамены на общих основаниях.

Он подался вперед, заглядывая в самую глубину моих

округлившись глаз:

— Ты ведь так отчаянно хотела свободы и независимости от меня? Получай. Посмотрим, как домашняя графиня справится без матушкиных горничных, шелков и столично-го лоска. Но помни: никаких поблажек от лорда-ректора не будет. Статус «жены» здесь — пустой звук.

Я сжала пальцы на тонкой ножке кубка так сильно, что костяшки побелели, а металл жалобно звякнул о хрусталь. Он думает, что испугает меня трудностями? Спартанскими условиями? Учебой среди хищников?

— Идет, господин ректор, — процедила я, глядя на него со всей ненавистью, на какую была способна. — Только потом не приползайте со слезными жалобами, когда ваши лучшие, хваленые студенты начнут брать у меня частные уроки тотального неповиновения.

Академия встретила нас оглушительным, первобытным шумом, резким запахом озона, жженой серы и векового пергамента. Этот колоссальный замковый комплекс располагался в гигантской, выжженной котловине между трех действующих вулканов, чьи жерла курились ленивым серым дымом. Черные готические шпили главного корпуса, словно когти гигантского зверя, вонзались в низкое небо. Над внутренним двором, вымощенным вулканическим туфом, то и дело с глухим хлопаньем расправляли мощные кожистые крылья молодые драконы в своем истинном облики, поднимая вихри горячего пепла и заставляя первокурсников-людей испуган-

но прижимать головы к плечам.

Райан исчез в своем изолированном ректорском крыле сразу по прибытии, оставив меня один на один с хаосом и суматохой приемной комиссии. Спустя два часа бюрократического ада мне выдали тяжелый, холодный железный ключ от комнаты, две серые форменные мантии из грубой шерсти и неподъемную стопку учебников в кожаных переплетах.

Пробираясь по узкому, душному коридору, запруженному возбужденными первокурсниками, я, увлеченная созерцанием расписания, случайно задела плечом какую-то стремительно летящую фигуру. Мои фолианты с оглушительным грохотом посыпались на каменные плиты пола.

— Ой, пресвятые угодники, как неосторожно! Прости, пожалуйста, я не со зла! — звонкий, чистый, как серебряный колокольчик голос заставил меня поднять голову.

Передо мной на корточках уже сидела девушка. Ее копна невероятно пышных, огненно-рыжих кудрей напоминала небольшой взрыв на алхимическом складе, а на курносом носу и щеках красовалась сочная россыпь забавных веснушек. На ней была точно такая же серая студенческая мантия, из-под которой виднелись старые, потертые, но начищенные до блеска кожаные сапожки. Ее большие зеленые глаза лучились таким искренним дружелюбием, какого я не видела со времен отъезда из столицы.

— Я Мина! — представилась она, ловко и молниеносно помогая мне собирать разлетевшиеся тетради. — Мина

Финч, первый курс отделения боевой алхимии. Ты ведь тоже первокурсница? Человек? Какое же это счастье, а то вокруг одни эти чешуйчатые, напыщенные снобы с такими высокомерными минами, будто им вся империя по гроб жизни обязана!

— Элиза, — я невольно улыбнулась, чувствуя, как глухое напряжение последних недель начинает медленно спадать. Эта рыжая девчонка обладала удивительным свойством мгновенно располагать к себе. — Да, я человек. И, кажется, я совершенно, окончательно не понимаю, куда мне идти.

— О, я тут уже всё разузнала, у меня топографический талант! Моя комната — триста двенадцатая, а твоя ну-ка, покажи бирку Триста одиннадцатая? Святые руны, да мы же соседки по коридору! Пошли, я покажу дорогу, а заодно введу в курс дела и расскажу, какие преподаватели здесь самые жуткие садисты. Спойлер: хуже всех наш новый верховный ректор. Нам так и сказали старшекурсники: он настоящий монстр, питается слезами отчисленных первокурсников, не знает жалости и вообще — чистокровный, хладнокровный огненный тиран!

Я едва сдержала судорожный смешок, судорожно представив лицо Райана, если бы он услышал эту лестную характеристику в свой адрес.

— Монстр, говоришь? Что ж, полезная информация, запишем в блокнот.

Пока Мина увлеченно тащила меня по лабиринтам пере-

плетающихся переходов, без умолку вываливая на мою голову тонны академических сплетен, мы неожиданно вышли к парадной лестнице центрального холла. И тут же толпа вокруг нас замерла. Навстречу потоку студентов, не спеша, спускались двое мужчин.

Одним из них был Райан. В строгой, глухой черной мантии ректора с массивной золотой цепью-регалией на груди, он выглядел монументально и невероятно властно. Студенты буквально вжимались в стены, освобождая ему широкую дорогу и опуская глаза.

А вот вторым был мужчина чуть ниже Райана в плечах, с короткими, жесткими серебристо-белыми волосами и пронзительными, льдисто-голубыми глазами, в которых читался острый ум. В отличие от хмурого, сосредоточенного ректора, этот незнакомец хищно и открыто улыбался, небрежно крутя между длинных пальцев изящный стилет с тонким лезвием.

— Помяни черта, — благоговейно и испуганно прошептала Мина, резко дергая меня за рукав мантии к стене. — Это они. Ректор Арксандер и его правая рука — лорд Валериус Торн, глава Тайной Канцелярии Академии и старший мастер боевых искусств. Он воздушный дракон. Красавчик, конечно, умереть можно, но поговаривают, циник и гад редкий.

Валериус что-то увлеченно, вполголоса рассказывал Райану, но стоило им поравняться с нашей нишей, как его цепкий, натренированный взгляд мгновенно зацепился за мою скромную фигуру в серой мантии. Голубые глаза воздушно-

го дракона сузились, а на губах заиграла предвкушающая, опасная улыбка. Он резко затормозил, заставив Райана тоже остановиться.

— Ого — протянул Валериус, оглядывая меня с ног до головы с чисто драконьим, оценивающим любопытством исследователя. — Райан, друг мой, а у нас на первом курсе, оказывается, появились весьма... многообещающие экземпляры. Какая редкая, феноменально чистая и плотная аура отрицания. Из какого региона эта пташка?

Райан медленно, с тяжелой грацией повернул голову. Его янтарный, полыхающий взгляд скрестился с моим. Ни один мускул не дрогнул на его породистом лице, оно оставалось каменной маской, но в самой глубине вертикальных зрачков на долю секунды полыхнула яростная, собственническая искра.

— Лорд Торн, — сухо, ледяным и не терпящим возражений тоном отрезал Райан, даже не посмотрев на друга. — Не отвлекайтесь от квартальных отчетов. Студентка... Валуа, если я не ошибаюсь? Пройдите в свои покои. До общего отбоя осталось пятнадцать минут. Не нарушайте дисциплину в первый же день.

— Слушаюсь, господин ректор, — с легким, едва заметным, но полным скрытой иронии поклоном ответила я, намеренно выделив интонацией его официальную должность.

Мы с Миной поспешили трусливо (в случае Миной) и гордо (в моем) скрыться за поворотом темного коридора. Но

прежде чем толстая каменная стена отрезала нас от мужчин, до моего слуха долетел громкий, искренний и раскатистый хохот Валериуса, сопровождаемый тяжелым хлопком по плечу ректора:

— Клянусь Бездной и праотцами, Раш! Эта девчонка тебя ни в грош не ставит! Твой авторитет только что размазали по полу! О, я чувствую, этот учебный год обещает быть просто великолепным!

Остаток пути до жилого блока мы проделали в таком стремительном темпе, что я едва успевала перебирать ногами, путаясь в подоле непривычно длинной мантии. Мина, несмотря на свою видимую хрупкость, тащила меня за собой с силой небольшого степного урагана. И только оказавшись за тяжелой, обитой железом дубовой дверью моей спальни, она позволила себе шумно, со свистом выдохнуть воздух.

— Ты видела? Нет, ты видела, как наш лорд-ректор на тебя посмотрел?! — рыжая бестия с размаху плюхнулась на узкую кровать, застеленную грубым, колючим шерстяным одеялом, и округлила свои зеленые глаза до размеров чайных блюдец. — Клянусь чешуей первородных, если бы взглядом можно было испепелять на месте, от бедного лорда Торна осталась бы только горстка серого пепла! Да и от меня заодно! Элиза, колись, ты что... лично знакома с самим АрКсандером?!

Я устало опустилась на соседнюю кровать, чувствуя, как дико гудят ноги после многочасового перехода и эмоцио-

нального потрясения.

— Можно и так сказать, — уклончиво ответила я, глядя в окно. — Наши семьи мельком пересекались на приемах в столице. Ничего особенного, обычные светские связи.

«Ничего особенного, — мрачно добавила я про себя, снимая жесткие дорожные ботинки и блаженно шевеля пальцами. — Если не считать трехлетнего брачного контракта, скрепленного моей живой кровью, и моего официального обещания превратить его благополучную жизнь в филиал преисподней».

Моя комната оказалась небольшой, аскетичной, но по-своему уютной. Мрачные каменные стены были скрыты за плотными гобеленами теплых, песочно-бежевых оттенков, защищавших от сквозняков. В углу притаился массивный платяной шкаф из темного дерева с резными ручками в виде свернувшихся клубком маленьких ящериц. Под узким стрельчатым окном, за которым угадывались контуры курящегося вулкана, расположился массивный письменный стол.

Вместо привычных свечей под высоким потолком плавно парили три небольших магических шара. Они излучали мягкое, ровное, золотистое сияние — удивительно, до раздражения похожее на цвет глаз моего новоиспеченного «мужа».

Я решительно взмахнула рукой, гася этот свет с помощью легкого импульса своей проснувшейся магии отрицания. Тепло попрощавшись с ушедшей к себе Миной, я рухнула в постель. Едва моя голова коснулась жесткой перьевой

подушки, я провалилась в глубокий, тяжелый сон без сновидений. Война была объявлена, и мне требовались силы.

Глава 3: Испытание пеплом и ветром.

Утро не просто пришло — оно бесцеремонно ворвалось в полумрак моей триста одиннадцатой комнаты низким, утробным, вибрирующим гулом колоссального медного гонга. Этот звук, рожденный где-то в недрах ректорской башни, обладал странной акустической магией: он не бил по барабанным перепонкам, а проникал глубоко под самую кожу, заставляя кости мелко вибрировать, а остатки сна — мгновенно испаряться.

Я резко села на кровати, тяжело дыша. За узким, стрельчатым окном, лишенным привычных столичных гардин, только-только занимался бледный, нерешительный рассвет. Небо над Драконьим Кряжем окрасилось в холодные, пронзительные нежно-лиловые и пепельные тона, а из дымящихся жерл трех далеких вулканов лениво выползали свежие струи антрацитового дыма.

Проглотив стон усталости, я поднялась и подошла к кованому умывальнику. Вода в фаянсовом кувшине за ночь подернулась тончайшей, хрупкой корочкой льда. Разбив её пальцами, я плеснула ледяную жидкость в лицо. Острая стужа мгновенно обожгла кожу, стирая усталость и возвращая мыслям кристальную ясность.

Облачение в форму заняло не более пяти минут. Серая мантия из плотного, тяжелого сукна, которая вчера показала мне грубой каторжной робой, на поверку оказалась шедевром практичности. Ткань, слегка колючая на ощупь, пахла сухой лавандой и шерстью. Она безупречно держала тепло, не стесняла движений благодаря глубоким складкам и надежно защищала от промозглого утреннего сквозняка, который свирепым хозяином гулял по бесконечным каменным переходам академии. Волосы я перехватила у затылка и туго заплела в строгую косу, закрепив её простой кожаной лентой — никаких шпилек, кружев или капризных локонов, которые могли бы помешать мне в этой новой, суровой реальности.

В Большой Трапезной, со сводов которой свисали тяжелые кованые люстры с сотнями тускло горячих свечей, уже стоял невообразимый, улейный гвалт. Сотни голосов сливались в единый гул, перекрываемый звоном металлических кубков и стуком тяжелых приборов. Длинные дубовые столы, потемневшие от времени и покрытые шрамами от пролитых алхимических зелий, буквально ломались от простой, но сытной и калорийной монастырской еды.

Мы с Миной, которая в своей слишком большой мантии выглядела как взъерошенный воробей, торопливо заняли места с самого края стола, поближе к массивным выходным дверям. Нам обоим очень не хотелось привлекать излишнее внимание старшекурсников. Те вели себя вызываю-

ще вольготно: молодые драконы из высших каст то и дело демонстрировали друг другу бытовую магию. Справа от нас родовитый огненный ящер ленивым щелчком пальцев заставил вспыхнуть малым багровым пламенем остывающий чай в своей кубке, а чуть дальше сухопарая девица из воздушников забавлялась тем, что заставляла массивные серебряные солонки левитировать в трех дюймах над столом, выписывая замысловатые пируэты.

Наш завтрак, разложенный по тяжелым оловянным тарелкам, был непривычно калорийным для изнеженной столичной графини, но аромат от него шел умопомрачительный:

Густая овсяная каша, сваренная на жирном молоке и щедро политая тягучим, ароматным диким медом с легким привкусом горного вереска.

Плотный свежеспеченный хлеб с поджаристой, хрустящей корочкой, к которому прилагались толстые ломти желтого, солоноватого сыра с пряными травами.

Горячий травяной взвар в глубоких кружках, который пах перечной мятой, терпкими можжевельниковыми ягодами и чем-то неуловимо горьковатым — магия этого напитка действовала мгновенно, проясняя сознание лучше любого столичного кофе.

— Так, давай посмотрим, что за круги ада нам приготовили на сегодня, — Мина лихорадочно развернула узкий свиток плотного пергамента с расписанием, едва не окунув его бахрому в плоску с медом. — Ага Первой парой стоит «Тео-

рия магических потоков и узлов» в Главной башне. Скука смертная. Затем «История древних драконьих родов» у старого профессора Шарля а после обеда О, великие предки, только не это.

Рыжая бестия побледнела так стремительно, что её многочисленные золотистые веснушки на носу и скулах в одно мгновение стали казаться искусственно нарисованными темной охрой.

— Что там такое, Мина? — я спокойно заглянула через её плечо, сверяя выданный мне свиток с её расписанием. Угловатые черные руны сложились в четкую фразу.

— «Основы боевого взаимодействия и самообороны», — едва слышно, одним губами прошептала подруга, сглотнув вставший в горле ком. — Практическое занятие на Полигоне Пепла. И ведет его лорд Валериус Торн лично. Старшекурсники в общежитии вчера шептались, что на его первых уроках первокурсники-люди стабильно падают в обморок от ментального давления. Он органически терпеть не может слабости и не прощает человеческого происхождения.

— Значит, сделаем всё, чтобы не упасть и не доставить ему такого удовольствия, — хмыкнула я, решительно допивая обжигающий, мятный взвар до самого дна. — В конце концов, мы приехали сюда грызть науку, а не падать в реверансах перед высокомерными ящерами.

После полудня бледное солнце наконец пробило пелену туч и щедро залило внутренний двор академии, но на самом

Полигоне Пепла всё равно царил пронизывающий, зябкий холод. Арена представляла собой колоссальный амфитеатр под открытым небом, вырубленный прямо в основании черной базальтовой скалы. Высокие трибуны, мрачными уступами уходящие вверх, отсекали любые солнечные лучи. Земля здесь не знала травы — она была усыпана толстым, в три пальца, слоем темно-серого вулканического шлака и мелкой крошки, которая с сухим, зловещим хрустом сминалась под жесткими подошвами наших сапог.

Наша учебная группа — около тридцати испуганных первокурсников, среди которых хрупкие люди жались друг к другу, а молодые, физически развитые драконы стояли обособленно, скрестив руки на груди — напоминала овечьё стадо перед стрижкой. Мы замерли в самом центре пепельного круга.

Лорд Валериус Торн появился ровно в ту секунду, когда над долиной разнесся чистый, вибрирующий звон башенного колокола. Сегодня на мастере боевых искусств не было длинной академической мантии. Он сменил её на глухой тренировочный костюм из тонкой, безупречно выделанной кожи глубокого темно-синего цвета. Кожаная куртка плотно облегла его широкие плечи, литую грудь и узкие бедра, не скрывая ни одного движения тренированного тела. Его короткие серебристо-белые волосы были небрежно зачесаны назад, открывая высокий лоб, а в пронзительных льдисто-голубых глазах плясали опасные, искрящиеся огоньки.

— Добро пожаловать в мой личный, сертифицированный филиал преисподней, птенцы, — его голос, усиленный встроенной в стены магией эха, раскатисто разнесся над полигоном.

Валериус неторопливо, с ленивой грацией хищного барса прохаживался перед строем, заложив руки в кожаных перчатках за спину.

— Здесь, на этом пепле, вы прямо сейчас забудете о напыщенных титулах ваших лордов-отцов и толщине золотых кошельков ваших матушек-графинь. Здесь всё это — мусор. Имеет значение только два параметра: скорость вашей нейронной реакции и ваша первобытная воля к выживанию.

Он резко, как вкопанный, остановился. Налетевший со стороны вулканов ветер взметнул полы его синей куртки, обнажив рукояти парных стилетов на поясе.

— Магия в реальном бою — это не красивые, безобидные искры из пальцев для развлечения дам на балах. Это чистая, концентрированная смерть. Оружие. И чтобы им владеть, вы обязаны научиться чувствовать опасность каждой клеткой своего тела, каждым волоском на коже. Мне нужен доброволец для демонстрации. Живо.

В толпе первокурсников мгновенно воцарилась гробовая, звенящая тишина. словно по команде, вся шеренга дружно сделала синхронный шаг назад. Все, кроме меня и еще одного щуплого парнишки-человека из южных провинций, который просто застыл от ужаса. Мы вдвоем оказались лицом к

лицу с мастером.

Взгляд лорда Торна мгновенно, точно стрела баллисты, зафиксировался на моей скромной фигуре. Его тонкие губы растянулись в широкой, предвкушающей и пугающей улыбке.

— О леди Элизабет де Валуа. Какая поразительная, редкая удача. Выходите в центр тренировочного круга.

Я почувствовала, как побелевшая от паники Мина судорожно, мертвой хваткой вцепилась в край моей мантии, но я мягко, но решительно высвободила шерстяную ткань из её онемевших пальцев. Выпрямив спину и высоко вскинув подбородок, я сделала пять размеренных шагов вперед по хрустящему шлаку, остановившись ровно в десяти шагах от преподавателя. Сердце колотилось где-то в районе горла, но внешне я оставалась спокойной, как мраморная статуя.

— Вы ведь прекрасно осведомлены, лорд Торн, что во мне нет ни капли драконьей крови? — спокойно, контролируя каждый выдох, произнесла я. — И даже базовые человеческие заклинания из академического курса мне пока недоступны.

— Знаю, — коротко кивнул Валериус, опасно прищурился своими льдистыми глазами. — Но наш многоуважаемый лорд-ректор в приватной беседе упомянул вашу весьма... специфическую предрасположенность к магии отрицания. И я хочу лично увидеть, как инстинкты вашей спящей крови отреагируют на прямую, неприкрытую угрозу жизни. Защищайтесь,

адептка!

Он не дал мне даже доли секунды на подготовку или осознание. Не было ни затяжных речевых заклинаний, ни театральных взмахов рук. Валериус просто коротко, неуловимо быстрым движением вскинул правую ладонь вверх. Воздух между нами в то же мгновение со страшным свистом уплотнился, превратившись в тугую, полупрозрачную, воющую плоть сжатого ветра, которая с колоссальной скоростью устремилась прямо мне в область груди. Это был удар, способный переломать ребра взрослому мужчине.

Времени на логические размышления не осталось. Подчинившись чистому животному рефлексу, я выбросила обе руки вперед, зажмурив глаза и приготовившись к сокрушительному физическому удару.

«Только не упасть. Только не сдаваться на глазах у этих чешуйчатых тварей!» — вспыхнула в сознании яростная, упрямая мысль.

В этот критический миг где-то в глубине моей груди, прямо под сердцем, со звоном лопнула невидимая, туго натянутая струна. От ладоней по венам вверх разлился пронзительный, арктический холод, от которого мгновенно онемели пальцы. Я открыла глаза и беззвучно ахнула: прямо передо мной, всего в каком-то дюйме от моих дрожащих пальцев, в воздухе с сухим треском развернулся колоссальный, сияющий серебристый щит. Он был соткан из чистой энергии и внешне напоминал огромный кусок потрескавшегося,

зеркального льда.

Ветряная плеть лорда Торна с оглушительным, металлическим звоном — словно стальной меч ударил по наковальне — врезалась в эту призрачную преграду. Серебряный щит пошел глубокой рябью, треснул и осыпался к моим ногам тысячами крошечных, мгновенно тающих серебряных искр, но кинетический удар был полностью, без остатка погашен. Меня лишь обдало сильной волной холодного, пахнущего озоном бриза, растрепавшего косу.

На всем гигантском полигоне воцарилась абсолютная, звенящая, мертвая тишина. Студенты позади меня синхронно, шумно выдохнули воздух.

Валериус медленно опустил руку. Его глаза теперь сияли не опасностью, а неподдельным, диким восторгом первооткрывателя, нашедшего мифический клад.

— Блестяще! — громко рассмеялся он, искренне и размашисто захлопав в ладоши. — Чистое, инстинктивное создание абсолютного зеркального барьера без единого рунического слова! Потрясающий, пугающий потенциал, леди Валуа! Вы превзошли мои самые смелые ожидания.

Я медленно опустила руки, которые крупно дрожали от пережитого шока, и попыталась выровнять рваное дыхание. Мой взгляд сам собой, повинувшись какому-то внутреннему компасу, скользнул мимо улыбающегося преподавателя вверх — к высоким базальтовым трибунам, утопающим в тени. И мое сердце пропустило удар, на секунду замерев.

Там, на самом верхнем ярусе, опершись мощными руками о каменный парапет, стоял Райан. Его черная ректорская мантия сливалась с темнотой колоннады, и даже с такого огромного расстояния я физически, кожей почувствовала всю свинцовую тяжесть его янтарного взгляда. Лорд Арксандер не улыбался. Его лицо было высечено из гранита, но в его напряженной, застывшей позе читалась первобытная, хищная гордость вожака стаи, который лишний раз убедился: он выбрал правильную, достойную и невероятно опасную добычу.

Наш безмолвный зрительный контакт длился всего мгновение, но от него по моей шее и спине пробежала волна обжигающих, горячих мурашек, напрочь выжегших тот ледяной холод, что оставила после себя моя собственная магия отрицания. И я окончательно поняла: настоящая игра на выживание только что началась.

Райан медленно, беззвучно отступил назад, растворяясь в густом полумраке верхней трибуны, но ощущение его тяжелого, собственнического присутствия еще долго покалывало мою кожу между лопаток, словно туда навели тепловой луч. Я сделала глубокий, судорожный вдох, заставляя себя вернуть внимание обратно на арену.

— Ну что же, господа притихшие первокурсники, — Валериус Торн резко повернулся к замершей толпе студентов, и его голос мгновенно утратил былую веселость, став сухим, жестким и требовательным. — Наглядный пример леди Ва-

дула только что доказал вам: даже если в ваших жилах не течет благословенная драконья кровь, это не повод покорно подставлять шею под удар и ждать милости. Сила чистого духа и концентрация способны воздвигнуть несокрушимую стену там, где обычная плоть бессильна. А теперь — встать в пары! Отрабатываем простейшие щиты мысленной концентрации. Леди Элизабет, вернитесь в строй. На сегодня с вас более чем достаточно потрясений.

Я молча, с трудом сдерживая дрожь в коленях, кивнула и направилась назад к шеренге. Вулканический шлак под моими сапогами тихо, зловеще шуршал, а спина буквально горела от десятков сверлящих, недобрых взглядов. Молодые драконы — особенно родовитые девицы из огненных кланов в первом ряду — смотрели на меня с явной, ядовитой смесью аристократического раздражения и жгучей зависти. Человеческая выскочка, обедневшая графиня, не просто выжила после прямой атаки мастера Тайной Канцелярии — она сделала это красиво, эффектно и безупречно.

— О великое гнездо праотцев — судорожно выдохнула Мина, едва я поравнялась с ней. Она мертвой хваткой уцепилась за мой локоть, лихорадочно проверяя, целы ли мои кости. — Эл, да ты просто безумная самоубийца! Твои руки посмотри на них, они же до сих пор светятся!

Я опустила взгляд на свои ладони. Действительно, вдоль синеватых вен под кожей до сих пор едва заметно, призрачно пульсировали тонкие серебристые нити магических кана-

лов. Они постепенно, неохотно угасали, возвращая коже её прежний бледный оттенок. Но внутри меня в этот момент разлилась пугающая, звенящая пустота — казалось, это короткое, секундное заклинание выпило до дна добрую половину моих физических и жизненных сил. Навалилась свинцовая усталость.

Остаток занятия прошел для меня как в густом тумане. Мы с Миной честно пытались концентрировать внутреннюю энергию, но после моего спонтанного выброса у меня едва получалось вызвать блеклое, дрожащее марево перед глазами. Валериус Торн больше не подходил к нам близко, но его пронизательный, оценивающий взгляд то и дело возвращался к нашей паре до самого конца пары.

Когда над полигоном наконец прозвучал спасительный, хриплый удар колокола, знаменующий окончание мучений, студенты с облегчением хлынули к узкому выходу. Мы с подругой шли самыми последними, уставшие, тяжело дышащие и с ног до головы припорошенные серой вулканической пылью.

— Леди Валуа, задержитесь на пару слов, — раздался за спиной ленивый, слегка растягивающий слова голос лорда Торна.

Мина испуганно пискнула, умоляюще посмотрела на меня своими огромными зелеными глазами и, получив мой короткий ободряющий кивок, быстрыми шажками припустила к жилому корпусу, на ходу крикнув, что займет мне очередь

в душевые кабины.

Я медленно повернулась к преподавателю. Валериус стоял, небрежно прислонившись спиной к базальтовой колонне, и лениво подбрасывал на ладони небольшой, идеально огранный кусочек прозрачного горного хрусталя, ловивший редкие лучи солнца.

— Вы что-то хотели, лорд Торн? — я постаралась придать своему голосу максимум официальности и сухости, несмотря на сильную слабость во всем теле.

— Хотел, — он ловко поймал кристалл, намертво зажав его в кулаке, и перестал улыбаться. — Хотел предупредить тебя, Элизабет. Магия отрицания — штука феноменально редкая и опасная для людей. Она принципиально отлична от нашей. Она не черпает силу из внешних стихий — огня, воздуха или земли, как у драконов. Твой дар жжет твою собственную, чистую жизненную энергию. Твою кровь. Если ты продолжишь раскрывать такие абсолютные барьеры без должной ментальной подготовки и накопителей, твое человеческое сердце просто однажды не выдержит такой колоссальной нагрузки.

Он сделал длинный шаг вперед, сокращая расстояние между нами, и его льдисто-голубые глаза заглянули мне, казалось, в самую душу.

— Наш лорд-ректор бывает невыносимым, чудовищно упрямым и деспотичным ящером, это правда. Он привык брать то, что хочет, исключительно силой, авторитетом и

властью. Но у него есть одно свойство: он никогда, слышишь, никогда не ошибается в людях. Береги себя, Элиза. Ты слишком ценный и редкий экземпляр для этой загнивающей академии, чтобы глупо сгореть на первом же месяце учебы.

— Я прекрасно умею за себя постоять, лорд Торн. Причем как перед вашими ветряными плетями, так и перед нашими огненными ректорами, — отрезала я, упрямо вздернув подбородок.

Валериус на секунду замер, а затем тихо, искренне рассмехался, и этот смех был на удивление теплым, лишенным его привычного высокомерия.

— О верховные боги, я уже всем сердцем предвкушаю этот учебный год. Вы свободны, адептка Валуа. Бегите ужинать, пока драконы не съели всё мясо.

В свою триста одиннадцатую комнату я вернулась абсолютно без сил. Каждая мышца в теле ныла так, словно меня целый день заставляли дробить камни на каторге, а в висках пульсировала тупая, изнуряющая боль от магического истощения. С огромным трудом смыв с себя въедливый серый пепел под тонкими струями теплой воды в душевой, я переоделась в мягкую, просторную домашнюю рубашку из тонкого белого хлопка. Мои колени подкашивались, и я собиралась было просто упасть на кровать, даже не думая об ужине.

Но стоило мне подойти к письменному столу, чтобы задвинуть стул, как я застыла на месте, забыв, как дышать.

На ровной, покрытой темным лаком деревянной поверх-

ности, прямо поверх моих тяжелых учебников по истории древних родов, лежал небольшой предмет, которого здесь совершенно точно не было утренней порой.

Это был идеально круглый, гладкий, тщательно отполированный камень черного обсидиана размером чуть больше голубинового яйца.

От него исходило мягкое, живое, едва ощутимое физически тепло. Оно приятной волной окутало мои пальцы, стоило мне просто протянуть к нему руку. Рядом с артефактом лежала крошечная, аккуратно сложенная записка, написанная размашистым, хищным и уверенным почерком на плотной дорогой бумаге.

«Ты была великолепна на полигоне, моя строптивная графиня. Но твоя магия слишком голодна. Сожми этот камень в ладони перед тем, как уснуть. Он поделится моим теплом и восстановит твои силы к утру.

Р.»

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как к щекам приливает жар. Забравшись под тяжелое шерстяное одеяло, я свернулась калачиком, по-прежнему крепко сжимая гладкий обсидиановый амулет в ладони. Удивительно, но камень не остывал от прикосновения моей холодной кожи. Напротив, он словно чутко подстроился под рваный ритм моего пульса, начав пульсировать ровным, убаюкивающим, мягким теплом.

Тупая боль в висках начала медленно, капля за каплей

растворяться, уступая место глубокому, блаженному расслаблению. Тело налилось приятной тяжестью.

Перед тем как окончательно провалиться в глубокий сон, я поймала себя на пугающей, трепетной мысли: этот властный, деспотичный дракон умеет быть пугающе, ювелирно заботливым. И именно эта его тихая, скрытая от чужих глаз забота была для моего сердца куда опаснее, чем все его открытые угрозы, брачные контракты и высокомерные взгляды на Балу Судьбы. С этой мыслью я закрыла глаза, позволяя мягкой темноте утянуть меня в мир без сновидений.

Глава 4: Искры в лекционном зале.

Утро встретило меня ошеломительной, звенящей легкостью во всем теле, совершенно нетипичной для человека, чьи энергетические каналы вчера едва не выгорели дотла. Никакой фантомной ломоты в мышцах, никакой тупой боли в затылке после безжалостной демонстрации мастера Торна. Я рывком поднялась с кровати и разжала пальцы: идеально круглый обсидиановый камень за ночь полностью изменил свою текстуру. Из иссиня-черного и глянцевого он стал тусклым, матово-серым и абсолютно, по-мертвецки холодным. Драконий артефакт отдал мне чужую магическую энергию до самого последнего, тончайшего глотка. «Спасибо за своевременное милосердие, господин ректор, — мысленно усмехнулась я, заворачивая мертвый камень в носовой платок и пряча его на самое дно кованого сундука под слои сменного белья. — Но не обольщайтесь. В должницах у ящеров я не останусь». После торопливого, полусонного завтрака мы с Миной, поминутно сверяясь с неподъемными свитками расписания, поспешили в мрачное Южное крыло. Именно там, в недрах базальтового полукруга, должна была состояться первая потоковая лекция по «Истории и иерархии Великих кланов». Этот предмет считался обязательным и самым жестким для первокурсников-людей: без четкого понимания того, как функционирует кастовое драконье обще-

ство, смертному в стенах «Дракониса» выжить было практически невозможно. Амфитеатр Древних Свитков подавлял своими масштабами с первых же секунд: Выложенные из колоссальных глыб полированного черного базальта, они круто уходили высоко вверх, смыкаясь на высоте пяти человеческих ростов в виде массивного, готического купола. Естественный свет сюда не проникал. Вместо окон в стены были встроены огромные бронзовые чаши с неугасающим синеватым пламенем, которое монотонно трещало, отбрасывая длинные, причудливые тени на крутые ярусы каменных скамей. Воздух здесь был плотным, сухим и застойным. Он остро пах столетним пергаментом, сушеной горной лавандой и горьким, едким драконьим табаком, который кто-то из обнаглевших старшекурсников явно курил в кулак на самых дальних, скрытых тенью рядах. Мы с Миной устроились примерно посередине амфитеатра, выбрав места у прохода. Разложив на шершавых деревянных пюпитрах чистые, плотные листы желтоватой бумаги, мы приготовили дорожные чернильницы и остро заточенные гусиные перья. Гул в аудитории еще не успел утихнуть, когда тяжелые кованые двери амфитеатра с грохотом распахнулись. В зал вошла сплоченная группа студентов, появление которой мгновенно заставило замолчать добрую половину присутствующих. Впереди этой свиты шла высокая, ослепительно и порочно красивая девушка. Ее густые волосы редкого цвета спелой вишни были уложены в невероятно сложную, высокую прическу,

скрепленную тонкими золотыми шпильками в виде атакующих королевских змей с рубиновыми глазками. Малиновая мантия из тяжелого, струящегося заморского шелка, сплошь расшитая золотыми нитями по подолу, резко и вызывающе контрастировала с нашими скромными, серыми суконными одеждами. — Леди Ванда из клана Огненных Бурь, — испуганно, едва слышно прошептала мне на самое ухо Мина, инстинктивно втягивая голову в плечи и вжимаясь в скамью. — Дочь верховного советника империи. Все в академии знают, что она спала и видела себя единственной законной невестой ректора. Ровно до тех пор, пока он три недели назад не сорвался в свой внезапный отпуск в человеческие земли... Леди Ванда медленно, с ленивой грацией истинной хищницы шествовала мимо рядов, одаривая притихших людей брезгливыми, ледяными взглядами. Но стоило ее глазам заметить мою фигуру, как янтарные зрачки драконицы (чуть светлее, чем у Райана, и несоизмеримо более злые) сузились до состояния вертикальных лезвий. Она резко изменила маршрут и остановилась точно напротив нашего поупитра, оперевшись ухоженными пальцами с длинными, заостренными золотистыми когтями о край моего стола. — Так вот ты какая, человеческая безродная выскочка, — ее голос прозвучал тихо, со свистящими змеиными интонациями, но в абсолютной тишине зала его расслышал каждый адепт. — Та самая смертная дрянь, что устроила вчера дешевый цирк на Полигоне Пепла. Думаешь, если мастер Торн из вежливости похвалил

твой жалкий фокус с барьером, ты действительно стала здесь особенной? Ты здесь никто. Корм для пламени. Я не спеша, с нарочитой медлительностью отложила перо в сторону, выпрямила спину и посмотрела на нее снизу вверх. На моем лице не дрогнул ни один мускул — я включила то самое абсолютное, ледяное спокойствие, которому меня годами учил покойный отец во время самых тяжелых и лицемерных дипломатических приемов в столице.— Леди Ванда, если я не ошибаюсь? — ровно, без единой лишней эмоции произнесла я. — Если для вашего клана демонстрация редкого магического дара — это цирк, то мне искренне, до глубины души жаль преподавателей, которым приходится тратить на ваше обучение свое драгоценное время. И, насколько мне известно из устава, доступ в эту академию открыт для всех одаренных существ. Независимо от наличия или отсутствия чешуи под одеждой. По амфитеатру пронесся дружный, испуганный вздох десятков студентов. Ванда от запредельного возмущения даже приоткрыла рот, а ее тонкие ноздри едва заметно дрогнули, выпуская две тонкие, пахучие струйки едкого серого дыма.— Да как ты смеешь, тварь... — прошипела она. Вокруг ее ладони, плотно лежащей на деревянном пюпитре, внезапно заплясали мелкие, яростные, багровые искры живого огня. Старое дерево под ее тонкими пальцами жалобно затрещало, задымилось и начало стремительно обугливаться, распространяя запах гари. Мина рядом со мной застыла, боясь даже вздохнуть, чтобы не спровоциро-

вать вспышку. Я же внутренне сжалась в пружину, готовая в любую секунду снова воззвать к той серебристой арктической прохладе, что спасла меня вчера на полигоне.— Леди Ванда, мне казалось, что внутренние правила этой академии строго и без исключений запрещают несанкционированное использование боевой магии в лекционных залах. Или для великого клана Огненных Бурь законы империи более не писаны? Этот низкий, бархатный, вибрирующий от скрытой угрозы голос, раздавшийся от массивных дверей амфитеатра, заставил всех присутствующих студентов мгновенно, словно по команде, вскочить со своих мест. Райан вошел в аудиторию стремительным, размашистым, истинно королевским шагом. Его тяжелая черная ректорская мантия шлейфом волочилась по каменному полу, а массивная золотая цепь на груди глухо и ритмично позвякивала в такт шагам. На этот раз лорд Арксандер пришел абсолютно один, без своего верного спутника Валериуса, и его личная аура буквально подавляла своей первобытной мощью. В зале в одно мгновение стало физически трудно дышать от нахлынувшего, удушливого волнами жара. Искры вокруг пальцев Ванды погасли в ту же секунду, словно их залило ледяной водой. Она испуганно, судорожно отдернула руку от испорченного стола и поспешно склонилась в глубоком, подобострастном реверансе, едва не коснувшись носом коленей.— Господин ректор — пролепетала она, и вся ее былая надменность испарилась, уступив место заискивающей, бледной улыбке. —

Я лишь мы просто мирно беседовали с новой adeptкой Валуа. Поздравляли с поступлением. Знакомились. Райан остановился у самого подножия амфитеатра, тяжело положив ладони на массивную деревянную кафедру. Его янтарный, гипнотический взгляд медленно скользнул по побледневшему лицу Ванды, затем спустился к дымящемуся, обугленному краю моего стола и, наконец, намертво замер на мне. В глубине его золотых зрачков на долю секунды вспыхнуло едва заметное, теплое одобрение — он явно успел заметить, что я не собиралась пасовать или просить пощады перед высокомерной драконицей. — Знакомство окончено, леди Ванда. Немедленно займите свое место, — сухо, как удар бича, отрезал Райан. — И за преднамеренную порчу академического имущества вы получаете три дня отработок в подземных оранжереях боевых ландышей. Профессор Снейл будет искренне рад вашей помощи в период их цветения. Рыжеволосая драконица вспыхнула до самых корней волос от унижения, отвесила еще один торопливый поклон и почти бегом бросилась на самые верхние, темные ряды, напоследок бросив на меня взгляд, полный обещания скорой и кровавой расправы. Райан дождался, пока шуршание юбок затихнет и все adeпты усядутся на свои места, после чего обвел притихшую аудиторию строгим, пронизывающим взглядом. — Профессор Бронз сегодня экстренно задерживается на Малом совете кланов, поэтому вводную лекцию по истории и структуре драконьего общества проведу я лично,

— ровным тоном объявил он. По залу моментально пролетел благоговейный, шокированный шепот. Чтобы сам верховный лорд Огненных Земель читал лекцию сопливым первокурсникам общего потока? Это было событием исторического масштаба. Он открыл тяжелый, окованный потемневшим железом фолиант, лежащий на кафедре. Но перед тем как начать говорить, его взгляд снова на краткое мгновение скрестился с моим. На его тонких губах заиграла едва заметная, понятная только нам двум ироничная усмешка. «Ну что, моя упрямая маленькая графиня, — словно без слов говорил этот взгляд. — Готова слушать правила мира, в который ты так опрометчиво шагнула?» Я лишь крепче, до боли в пальцах сжала гусиное перо, давая себе внутренний зарок не пропустить ни единого слова из его уст. Наша война продолжалась, но теперь мы играли по его правилам и на его территории. Райан коснулся длинными пальцами пожелтевших от времени, хрупких страниц древнего фолианта, и по аудитории разнесся тихий, шелестящий звук, словно сами вековые стены академии прислушивались к каждому его движению. Когда он заговорил, его голос — глубокий, бархатистый, с едва уловимой природной хрипотцой — заполнил всё гигантское пространство амфитеатра, проникая под кожу и заставляя вибрировать сам воздух вокруг каменных скамей. — История Великих кланов, адепты, — начал он, неторопливо прохаживаясь за кафедрой, заложив руки за спину, — это не просто скучный перечень дат, террито-

риальных пактов и имен великих завоевателей, которые вам всеми правдами и неправдами придется зазубрить к зимней сессии. Это, прежде всего, история нашего видового выживания. Мир, в котором мы с вами существуем, держится на крайне шатком, ювелирном равновесии стихий. И те, кого вы привыкли уважительно или со страхом называть высшими драконами, — вовсе не боги. Мы лишь рабы и хранители этого баланса. Хранители, которые слишком часто и страшно сгорают изнутри. Он резко остановился, и его янтарные глаза на секунду задержались на моем лице. Я почувствовала, как кончик моего гусиного пера намертво замер над чистым листом бумаги, а тяжелая капля чернил медленно сорвалась вниз, оставляя аккуратную, идеально круглую темную кляксу на девственно чистом пергаменте. Райан коротко взмахнул правой рукой, и синеватое пламя в бронзовых чашах под куполом мгновенно сменило свой цвет на глубокий, пульсирующий багрово-золотой. В воздухе отчетливо и остро запахло сухой хвоей, смолой и паленым янтарем. На каменной стене позади него, повинаясь воле ректора, соткались из живого, плотного дыма очертания пяти великих гербов. Название Великого Клана Стихийная Суть Природа Магии Клан Огненных Бурь Яростное, всепоглощающее пламя Разрушение, тепловой взрыв Клан Серебряного Ветра Стремительные, ледяные потоки Воздушные лезвия, скорость Клан Черной Скалы Незыблемая, тяжелая толща земли Сейсмический контроль, защита Клан Изумрудных Вод Те-

кучая, коварная глубина Иллюзии, яды, течения Клан Полярной Ночи Древняя, застывшая магия Абсолютный нуль, заморозка — Наша колоссальная сила — это одновременно и наше главное родовое проклятие, — продолжал Райан, и в его обычно высокомерном тоне впервые промелькнула несвойственная ему глухая, вековая горечь. — Первородная магия внутри чистокровного дракона подобна лесному пожару в сухой сезон. Она неумолимо растет с каждым прожитым годом, требуя постоянного выхода и контроля. Если это внутреннее пламя не обуздать, если вовремя не найти для него ментальное заземление, дракон безвозвратно теряет разум. Он превращается в безумное, яростное чудовище, способное лишь сжигать мир вокруг себя, пока не сгорит сам. Мина рядом со мной судорожно вздохнула и принялась лихорадочно, со скрипом записывать каждое слово, царапая пером по пергаменту так усердно, словно от этой лекции зависела ее жизнь. А я я наконец-то начала понимать. Та ловушка, в которую я так гордо угодила, подписав контракт, была гораздо глубже, чем меркантильные амбиции матушки или мимолетный каприз богатого ящера. «Бал Судьбы, — эхом отозвалось в моей голове, и по спине пробежал холодок. — Ежегодное мероприятие, где высшие драконы выбирают себе человеческих невест. Не из милости к смертным. Не из эстетической прихоти. Им жизненно необходима наша кровь, наша спокойная, заземляющая земная магия, способная усмирить и стабилизировать их бушующую, разруши-

тельную стихию». — Именно поэтому, — Райан подошел к самому краю трибуны, тяжело опираясь руками о каменный парапет и глядя сверху вниз прямо на меня, — брачные союзы между великими драконьими кланами и человеческими родами — это никогда не вопрос чистой политики или выгоды. Это вопрос выживания расы. Истинная пара для дракона — это его единственный ментальный якорь. Женщина, чья аура и кровь способны безболезненно поглотить излишки разрушительного пламени, не сгорев и не превратившись в пепел при этом сама. Он зловеще прищурился, и его зрачки сузились до бритвенных лезвий. — Но горе тому глупому ящеру, который попытается подчинить этот якорь грубой физической силой или принуждением. Непокорная, сильная человеческая душа способна не просто удержать пламя — она в состоянии выжечь дракона изнутри до самого основания, оставив от его величия лишь горстку серого пепла на ветру. По залу пролетел испуганный, благоговейный шепот. Леди Ванда на самом верхнем ряду яростно, до хруста сжала кулаки, ее идеальное лицо исказилось от бессильной злобы. Она прекрасно, без двусмысленностей поняла, кому именно были адресованы эти финальные слова ректора. Я не отвела взгляда ни на миллиметр. Я смотрела прямо в эти золотые, гипнотизирующие глаза лорда Арксандера, чувствуя, как глубоко внутри меня снова просыпается то самое серебристое, прохладное и упрямое эхо магии отрицания. «Так ты ищешь свой якорь, лорд Райан? — подумала я,

позволив себе едва заметную, дерзкую усмешку. — Ты думаешь, что эта пафосная лекция напугает меня или заставит подчиниться из жалости к твоей сгорающей природе? Ты сам только что сказал: непокорная душа способна выжечь тебя до основания. Что ж. Будь трижды осторожен со своими желаниями, чешуйчатый лорд». Райан словно физически услышал мои мысли в этой звенящей тишине. Его вертикальные зрачки на мгновение расширились, а на самом дне янтарных глаз полыхнуло искреннее, горячее одобрение. Он резко, повоенному повернулся обратно к кафедре, легким щелчком пальцев возвращая пламени в бронзовых чашах его прежний, спокойный синеватый цвет. — На этом наша вводная часть окончена, адепты, — его голос снова мгновенно стал сухим, официальным и дистанцированным. — К следующему семинарскому занятию я жду от каждого из вас подробный письменный разбор трактата «О слиянии человеческой крови и драконьего начала». Свитки найдете в общем фонде библиотеки. И помните: за любой намек на плагиат или чужие мысли я лично отправлю вас без магии чистить зубы боевым ящерам на нижние уровни. Все свободны. Аудитория мгновенно ожила, студенты начали шумно собирать свои вещи, гремя сумками. Мина с облегчением захлопнула свою тетрадь, размазав чернила, и с силой потянула меня за рукав мантии: — Эл, во имя всех предков, идем скорее отсюда, пока эта сумасшедшая змея Ванда не решила подкараулить нас в темных переходах Южного крыла! Клянусь,

наш ректор сегодня превзошел сам себя по части нагоняния жути на ночь глядя. У меня до сих пор поджилки трясутся от его голоса. Я не спеша, с намеренной аккуратностью уложила перо и дорожную чернильницу в свою кожаную сумку, плотно завязала ремешки и только после этого поднялась со скамьи. Когда мы спускались по крутым каменным ступеням амфитеатра к выходу, Райан всё еще неподвижно стоял у кафедры, неторопливо перелистывая плотные страницы закрываемого фолианта. Мы проходили мимо него, строго соблюдая академическую субординацию среди толпы студентов. Я демонстративно не смотрела в его сторону, но в тот самый момент, когда подол моей серой мантии взметнулся у самого края его лакированного стола, я отчетливо, над самой головой услышала его тихий, едва различимый в общем шуме бархатный шепот:— Прекрасный серебряный щит вчера на полигоне, Элиза. Но не забывай вовремя восстанавливать силы моим обсидианом. Наш контракт только начался, береги себя. Я лишь крепче сжала ремень сумки на плече и, не оборачиваясь, вышла в душный, наполненный сотнями студенческих голосов коридор академии. Он по-прежнему наивно думал, что полностью контролирует каждый мой шаг и вдох. Но этот самоуверенный дракон еще не знал, что его законный «якорь» уже начал ковать свои собственные, неразрывные цепи.

Глава 5: Пыль веков и серебряные искры.

Высокий коридор Южного крыла встретил нас оглушительным, хаотичным гомоном сотен студенческих голосов, раскатистым эхом разносившимся под мрачными, закопченными сводами из грубо отесанного темного базальта. Плотные потоки студентов толкались, задевая друг друга плечами, лихорадочно спешили на следующие лекционные пары, шумно обменивались первыми впечатлениями от утренних занятий и бурно спорили о суровости преподавателей.

Мина, хвала всем древним богам, была слишком увлечена тем, чтобы маневрировать в этой бурлящей, разношерстной толпе и ненароком не попасть под тяжелый, покрытый жесткой чешуей хвост какого-нибудь зазевавшегося старшекурсника из земляного клана. Она двигалась быстро, испуганно оглядываясь по сторонам, так что интимного, обжигающего шепота лорда-ректора над моим ухом она, к счастью, не услышала.

— Скорее, Эл, шевели ногами! Если мы прямо сейчас не поторопимся, все до единого нужные свитки и учебные трактаты в центральной библиотеке безжалостно разберут эти чешуйчатые коршуны с верхних курсов! — Мина мертвой хваткой вцепилась в мою руку, увлекая за собой вниз по кру-

той, винтовой лестнице, массивные каменные ступени которой были стерты за столетия тысячами ног до зеркального, скользкого блеска.

Я послушно шла за ней, механически переставляя ноги, но мои мысли всё еще безнадежно оставались там, в душном лекционном зале амфитеатра. Бархатные слова Райана о «ментальном якорю» и «непокорной человеческой душе» засели в голове глубокой, болезненной занозой. Он знал. Знал до мельчайших подробностей, что я не сломаюсь под его давлением, и, кажется, именно это упрямое сопротивление его больше всего и развлекало. Что ж, если господин верховный лорд Огненных Земель так сильно хочет поиграть с первобытным огнем, ему придется на собственном опыте вспомнить, что от любого, даже самого яркого пламени в итоге остаются лишь холодные, серые угли.

Мы торопливо миновали длинную, мрачную галерею, украшенную монументальными портретами прежних руководителей академии — суровых, хищных мужчин и женщин с вертикальными разрезами янтарных и ледяных глаз, — и остановились перед монументальными, двухстворчатыми дверями из мореного дуба, наглухо обитыми толстыми листами потемневшей от времени и покрытой патиной зеленоватой меди.

Библиотека Опаленных Свитков больше напоминала грандиозный, величественный подземный собор, чем простое книгохранилище:

Стеллажи: Огромные, высотой в несколько человеческих ростов, выполненные из мореного черного дерева, они уходили в глубокую, непроглядную тень под самым сводчатым потолком. Тяжелые полки буквально ломились от бесчисленных фолиантов, пожелтевших кожаных папок и кожаных тубусов со старинными свитками.

Лестницы: Между стеллажами бесшумно, словно призраки, перемещались легкие деревянные лестницы на колесах, удерживаемые на весу и направляемые лишь слабой, потрескивающей бытовой магией.

Освещение: Огромные стрельчатые витражные окна пропускали внутрь приглушенный, тревожный багрово-серый свет от близлежащих дымящих вулканов. Этот свет причудливо смешивался с тусклым, ровным сиянием парящих в воздухе небольших светляков — заключенных в стеклянные сферы искр.

Внутри этого книжного царства царила строгая, почти религиозная тишина, нарушаемая лишь редким, сухим шорохом переворачиваемых страниц пергамента и скрипом гусиных перьев. Пахло здесь сухой степной травой, старой дорожкой кожей, пчелиным воском, пылью веков и едва уловимым, покалывающим шлейфом свежего утреннего озона.

— Нам нужен дальний третий сектор, — едва слышно шепнула Мина, сверяясь со своими хаотичными записями на клочке бумаги. — Исторические трактаты, генеалогия кланов и глубокие исследования крови. Идем скорее, пока там

никого нет из отличников.

Мы углубились в узкий, прохладный лабиринт высоких стеллажей. Я медленно вела подушечками пальцев по шершавым корешкам старинных книг, физически чувствуя, как от некоторых из них исходит слабое, покалывающее кожу тепло — верный знак того, что на обложки наложены древние защитные заклинания от пожаров, сырости и воров.

Наконец, нужная полка на самом нижнем ярусе была найдена. Трактат «О слиянии человеческой крови и драконьего начала» оказался увесистым, толстым свитком, аккуратно завернутым в плотную серую кожу с тиснением в виде ящера. Мина с торжествующим, тихим вздохом вытянула один экземпляр для себя, а я потянулась за вторым, оставшимся в самой глубине темной полки.

— Знаешь, адептка Валуа, тебе невероятно идет эта скромная серая мантия из грубого сукна. В ней ты выглядишь куда более опасной и непредсказуемой, чем в том приторно сверкающем шелковом платье на королевском балу.

Я сильно вздрогнула от неожиданности и резко, всем корпусом оборачиваясь назад, прижала свиток к груди.

Из густой тени соседнего стеллажа, непринужденно приклонившись широким плечом к деревянной стойке, вышел лорд Валериус Торн. Сегодня глава Тайной Канцелярии выглядел на удивление по-домашнему, лишенный своего официального лоска: верхние пуговицы его темно-синей тренировочной куртки были небрежно расстегнуты, серебри-

сто-белые волосы слегка растрепаны ветром, а в руке он держал крупное, спелое зеленое яблоко, от которого только что с аппетитным хрустом откусил приличный кусочек. Его льдисто-голубые глаза лучились искренним, ничем не скрываемым весельем.

Мина рядом со мной мгновенно вытянулась в струнку, прижала свои записи к груди и, кажется, вообще забыла, как дышать в присутствии высшего лорда.

— Лорд Торн, — я сделала глубокий вдох, стараясь сохранить на лице максимум невозмутимости. — Не знала, что действующий глава Тайной Канцелярии империи коротает свое редкое свободное время среди пыльных, забытых свитков.

— О, я всего лишь ищу здесь крупницы вдохновения, — Валериус задорно подмигнул испуганной Мине, отчего та в одно мгновение густо, до багровы покраснела до самых кончиков ушей. — Ну и, признаться честно, мне было дико любопытно. Наш угрюмый, вечно занятой ректор сегодня весь утренний совет великих кланов провел с таким выражением лица, будто ему в любимый утренний компот подсыпали сушеных болотных жаб. А потом он бросает важнейшие государственные дела, летит в амфитеатр и идет лично читать лекцию сопливым первокурсникам. Небывалое, феноменальное событие в истории академии! И как-то слишком странно и подозрительно это совпало с твоим официальным появлением в «Драконисе», Элиза.

Он сделал один короткий шаг ближе ко мне, понизив свой голос до заговорщицкого, интимного шепота. От воздушно-го дракона пахло морозной свежестью, горным ветром, дорогой кожей и спелым яблоком.

— Я ведь в мельчайших деталях знаю о вашем предсмертном контракте, — тихо, без намека на былую иронию произнес он, и его улыбка стала серьезной, даже жесткой. — Райан — мой лучший и единственный близкий друг с юношеских времен, и я крайне редко вижу, чтобы этот холодный прагматик совершал настолько импульсивные, безумные поступки под влиянием момента. Он свято уверен, что полностью приручит твой строптивый характер за эти жалкие три года.

— Пусть попробует, — так же тихо, контролируя каждый тон, ответила я, глядя прямо в его бездонные льдистые глаза. — Зубы себе обломает о мой характер.

Валериус на секунду замер от моей дерзости, удивленно приподняв идеальную бровь, а затем тихо, искренне и раскатисто рассмеялся, изящно прикрыв рот ладонью в перчатке, чтобы не нарушать строгую тишину библиотеки.

— Клянусь всеми вышними небесами и ветрами, ты мне нравишься всё больше и больше, девочка! — отсмеявшись, полушепотом произнес он. — Раш слишком сильно привык, что абсолютно все вокруг трепещут и бледнеют при одном его появлении. Ему жизненно полезно получить хороший, болезненный щелчок по его заносчивому носу. Но будь максимально осторожна, Элизабет. Драконий первородный

огонь — это не просто красивая метафора из баллад. Когда Райан по-настоящему злится или чересчур увлекается процессом охоты, он напрочь забывает о любых тормозах и жалости. Если тебе вдруг понадобится реальная помощь, или если этот чешуйчатый тиран совсем перегнет палку в своей заботе — ты всегда знаешь, где искать мастера боевых искусств. Воздушные кланы во все времена ценили хорошую, чистую независимость.

— Спасибо за искреннее предупреждение, лорд Торн, — искренне, без фальши поблагодарила я его. — Но я предпочитаю справляться со своими проблемами сама.

— Даже не сомневаюсь в твоих силах после вчерашнего щита, — Валериус откусил еще кусочек яблока, хитро прищурился и плавно отступил обратно в густую тень стеллажей. — Удачи с изучением трактата. Райан всегда проверяет самостоятельные работы первокурсников лично и органически терпеть не может банальных, зазубренных мыслей. Покажи ему на бумаге, на что способна холодная человеческая логика.

Он буквально растаял в полумраке между книжными полками так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь легкий, прохладный ветерок, едва заметно колыхнувший полы наших серых мантий.

Мина наконец-то смогла судорожно выдохнуть застоявшийся в легких воздух и мертвой хваткой схватила меня за предплечье:

— Эл Ты Ты сейчас разговаривала с самим главой Тайной Канцелярии империи так, будто он твой старый приятель по столичным балам! И что, во имя бездны, за контракт?! Какое, к черту, приручение?! О чем таком страшном он сейчас говорил?!

Я тяжело вздохнула, отчетливо понимая, что скрывать от единственной верной подруги правду дальше просто бессмысленно и глупо. Рано или поздно всё это элитарное грязное бельё всё равно всплывет наружу, особенно с учетом того, как Райан, его окружение и его ревнивые драконицы любят подливать масла в этот разгорающийся огонь.

— Идем к дальним столам, Мина, — тихо сказала я, направляясь к самому уединенному, темному уголку у окна. — Садись, доставай чистый пергамент и бери перо. Я расскажу тебе длинную историю о том, как один очень самонадеянный высший дракон решил, что может купить мою свободу. И почему он очень, очень сильно об этом пожалеет.

Мы устроились в самом дальнем, изолированном алькове библиотеки, который был надежно скрыт от любых посторонних глаз плотной, тяжелой завесой из свисающих с верхних ярусов старинных пыльных гобеленов с изображениями битв. За узким витражным окном уже начали стремительно сгущаться вечерние сумерки, и парящие под потолком магические светляки послушно опустились чуть ниже, освещая наш деревянный стол мягким, ровным золотистым сиянием.

Мина дрожащими руками положила перед собой чистый

лист пергамента, машинально обмакнула гусиное перо в чернильницу, но так и замерла на месте, не сводя с меня своих расширенных, полных благоговейного ужаса зеленых глаз.

Я говорила очень тихо, практически одними губами, но каждое мое слово падало в мертвую тишину библиотечного алькова, словно тяжелый кованый камень. Я без утайки рассказала ей всё, не скрывая ни единой постыдной или пугающей детали:

О душном, пропитанном фальшью воздухе Бала Судьбы и том самом первом, пронизывающем взгляде горящих янтарных глаз ректора, от которого в легких мгновенно перехватило дыхание.

О нашем безумном танце, который с первого шага был больше похож на безжалостное ментальное сражение, где каждое движение являлось вызовом.

О внезапном, пугающем ночном визите лорда Арксандера в наш скромный, обедневший загородный дом.

И, наконец, о проклятом брачном контракте, намертво скрепленном каплей моей собственной крови, и моим личным обещанием превратить его тихую жизнь в невыносимую, адскую пытку.

Когда я наконец закончила свой рассказ, Мина медленно, со свистом сдавленно выдохнула и со стуком отложила перо в сторону, так и не написав на листе ни единой строчки. На самом кончике гусиного пера набухла, задрожала и сорвалась вниз тяжелая чернильная капля, мгновенно впитав-

шись в пергамент.

— Во имя всех спящих и бодрствующих вулканов — едва слышно прошептала она, прижимая ладони к своим пылающим от шока щекам. — Элизабет, ты хоть каплей своего разума понимаешь, что ты наделала? Ты в открытую бросила смертельный вызов самому сильному, жестокому и влиятельному из ныне живущих огненных драконов империи!

— Он сам без приглашения пришел в мой дом и потребовал от меня невозможного, — я упрямо, до боли скрестила руки на груди, откинувшись на спинку стула. — Я лишь согласилась играть по его правилам, но навязала свои жесткие условия.

— Да ты просто не понимаешь его истинной природы! — Мина в панике подалась вперед через стол, и ее растрепанные рыжие кудри рассыпались по бумагам. — Высший брачный контракт на крови — это для драконов не просто юридическая бумажка из канцелярии. Для них это древнейший, священный магический ритуал. Он на фундаментальном уровне связал твою человеческую ауру со своей стихией. И если Райан вбил себе в голову, что именно ты станешь его ментальным якорем, он никогда в жизни не отступится. Райан АрКсандер вообще не знает слова «нет». В столичных хрониках писали, что во время последнего страшного восстания на Северных Пустошах он в одиночку, без армии, долта сжег тридцатитысячное войско мятежников просто потому, что они посчитали себя вправе отказаться сложить ору-

жие по его первому требованию. А ты ты умудряешься угрожать ему прямо в его ректорское лицо!

«Значит, я стану первой тварью в этой империи, которая научит его ломать зубы об это короткое слово», — мстительно и холодно подумала я.

Однако вслух я ничего говорить не стала, чтобы еще больше не пугать и без того находящуюся на грани истерики подругу.

— Ладно, — я решительно придвинула к себе тяжелый, пахнущий старой кожей свиток в серой обложке и резко потянула за шелковый шнурок. — Давай оставим лорда-ректора с его амбициями в покое. У нас есть конкретное учебное задание, и я принципиально не собираюсь давать ему ни малейшего повода придрататься к моей успеваемости. Что там пишут в этих древних, хваленых трактатах?

Свиток с сухим, тихим шорохом развернулся на столе, обнажив плотный, слегка шероховатый пергамент, сплошь исписанный убористым, витиеватым и старинным почерком. Чернила от времени приобрели глубокий, темно-коричневый оттенок, но стоило моим пальцам коснуться первых строк текста, как над бумагой вспыхнуло слабое, серебристое свечение магического перевода. Слова древнего наречия сами собой начали складываться в четкие образы в моей голове.

Мы с Миной синхронно склонились над текстом, до боли в глазах вчитываясь в строки, которые раскрывали самую ин-

тимную и пугающую суть драконьей биологии. И чем дальше я продвигалась по тексту, тем сильнее холодела моя кожа под сукном мантии.

Трактат гласил три фундаментальные вещи:

Природа пламени: Истинный первородный огонь высших драконьих родов напрямую питается их сильными эмоциями — первобытным гневом, страстью, ревностью и собственническим инстинктом. Чем сильнее дракон как маг, тем труднее ему с годами удерживать своего внутреннего ящера внутри хрупкой человеческой оболочки.

Роль Ментального Якоря: Человек с редчайшим активным даром «отрицания» не просто механически гасит чужой огонь. Он работает как идеальный живой сосуд, способный безболезненно и без вреда для себя впитывать излишки разрушительной драконьей ярости, преобразуя ее в спокойную, созидательную силу.

Связь крови: Если Ментальный Якорь искренне отвергает своего дракона на ментальном уровне, насильно навязанная связь начинает приносить обоим перманентную физическую боль и истощение. Но если Якорь принимает пламя дракона абсолютно добровольно, их магии сливаются воедино, делая дракона практически неуязвимым для внешних атак богом.

— Смотри, смотри вот сюда, — Мина испачканным в чернилах пальцем ткнула в самый низ развернутого свитка, где текст шел красным цветом. Ее голос заметно дрожал от вол-

нения. — «Ментальный Якорь не может быть подчинен грубой силой или ментальным давлением. Покорность, вырванная страхом или угрозами, неизбежно отравляет драконье пламя, превращая его в яд. Лишь искренняя, добровольная отдача умирляет зверя окончательно».

Я медленно откинулась на спинку жесткого деревянного стула, невидящим взглядом глядя на причудливые, танцующие на стенах базальтового алькова тени от чаш с пламенем.

Вот оно что. Вот почему этот хитрый ящер дал мне в контракте целых три года форы. Вот почему в тексте соглашения отдельным, жирным пунктом было прописано абсолютное отсутствие физического или магического принуждения с его стороны. Райану АрКсандеру не нужна была просто покорная жена, статусная кукла или сломленная рабыня в постели. Ему жизненно необходимо было получить мое добровольное согласие, мою искреннюю, чистую привязанность к его персоне — иначе вся его затея с этим браком теряла для его пламени всякий практический смысл. Он изначально намеревался планомерно обольстить меня, сломить мое гордое сопротивление своей фальшивой заботой, неограниченной властью и пугающим мужским обаянием. Обсидиановый камень, подброшенный утром на мой стол, был лишь первым, примитивным ходом в этой сложной шахматной партии.

— Он свято думает, что сможет меня легко приручить, — медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, негромко произнесла я в темноту алькова. — Заставить меня пове-

ритель, что он мне искренне нужен.

— А что, если в итоге так и будет? — робко, едва слышно спросила Мина, глядя на меня исподлобья из-под своей рыжей челки. — Элизабет, он ведь действительно невероятный, великий. Абсолютно все девчонки в нашей академии только о нем тайком и вздыхают на переменах. Он неприлично богат, красив как истинный бог разрушения, силен, и он среди сотен других выбрал именно тебя.

— Пусть выбирает себе кого угодно в своих Огненных Землях. Я не вещь и не редкий артефакт, который можно бронировать на три года вперед, — я резко, со стуком придвинула к себе чистый лист плотного пергамента и решительно обмакнула гусиное перо в чернильницу. — Пиши, Мина, не отвлекайся. Завтра утром мы сдадим профессору Бронзу и нашему многоуважаемому лорду-ректору такие аналитические эссе, от которых у них обоих задымятся их чешуйчатые уши. Я лично разнесу всю их вековую драконью теорию «добровольного слияния» в пух и прах с точки зрения человеческой логики.

Мы просидели в душном алькове библиотеки до самого официального академического отбоя. Мои пальцы смертельно затекли от непрерывного, яростного письма, а глаза нещадно щипало от тусклого, дрожащего света парящих магических светляков, но я чувствовала внутри странное, дикое ментальное удовлетворение. Мое эссе получилось дерзким, безупречно логичным и холодным, как лезвие боево-

го кинжала. Я аргументированно, пункт за пунктом, доказывала на пергаменте, что любая связь, изначально построенная на эгоистичной необходимости одного существа паразитически использовать ресурсы другого, априори обречена на экзистенциальный крах и ведет к неизбежному разрушению личности Якоря.

Когда мы наконец вышли из душных, пахнущих вековой пылью архивов в прохладные, длинные переходы академии, замковые башенные часы как раз глухо пробили полночь — густой, медный, вибрирующий звон тяжелыми волнами прокатился по всем пустующим этажам.

Коридоры были абсолютно пустынные, студентов не было видно. Только редкие масляные факелы в железных зажимах на стенах тихо, монотонно потрескивали, отбрасывая на серые каменные плиты пола длинные, причудливые и пугающие тени. Мы с Миной шли быстрым шагом и в полном молчании, будучи слишком измотанными физически для каких-либо разговоров.

Но стоило нам наконец повернуть за угол и войти в темное жилое крыло первокурсников, как я внезапно замерла на месте, словно наткнулась на невидимую стену. Воздух здесь, в узком коридоре у жилых комнат, неуловимо, но резко изменился. Он стал сухим, горячим и плотным. В нос отчетливо ударил знакомый запах озона, паленого янтаря и терпкого дорогого табака.

Прямо у дубовой двери моей триста одиннадцатой комна-

ты, небрежно скрестив руки на груди и лениво прислонившись широкой спиной к вековой каменной кладке, стояла высокая, массивная темная фигура.

Райан.

Сегодня на нем не было его официальной, подавляющей ректорской мантии с золотыми цепями. Он был одет лишь в тонкую, облегающую черную рубашку из дорогого шелка, верхние три пуговицы которой были нарочито расстегнуты, обнажая крепкую шею и ключицы. В полумраке ночного коридора его глаза не были человеческими — его вертикальные янтарные зрачки светились ровным, пугающим и гипнотическим золотым светом первобытного хищника, который терпеливо и до конца дождался свою законную добычу.

Глава 6: Чернила и Пламя.

Мина издала тихий, судорожно-сдавленный звук, до боли похожий на писк смертельно напуганной полевой мыши, и мертвой, панической хваткой вцепилась тонкими пальцами в плотный рукав моей серой мантии. Вся ее былая безрассудная решимость, которой она хвасталась в безопасном алькове библиотеки Опаленых Свитков, улетучилась без следа под этим тяжелым, золотистым взглядом.

— Иди к себе в комнату, Мина, — одними губами, практически не шевелясь и стараясь не делать ни одного резкого, провоцирующего движения, выдохнула я. — Живо.

— Но Эл — ее зубы, покрывшись мелкой дрожью, буквально выбивали дробь от первобытного страха, который волнами исходил от замершего в полумраке мужчины.

— Иди, — я мягко, но максимально настойчиво, палец за пальцем, оторвала ее ледяные, дрожащие пальцы от сукна своей мантии и слегка подтолкнула к соседней двери.

Рыжеволосая драконица бросила на монументальную темную фигуру ректора последний панический взгляд, пробормотала под нос что-то абсолютно нечленораздельное и, судорожно прижимая к груди похудевшую холщовую сумку с учебными записями, юркнула в свою спальню. Она торопливо, со скрежетом задвинула за собой тяжелый железный засов. Сухой, резкий звук упавшего металла раскатистым эхом

отдал в пустом ночном коридоре жилого крыла.

Мы остались абсолютно одни.

Райан не шелохнулся ни на миллиметр. Он продолжал неподвижно стоять у косяка моей двери, лениво скрестив мощные руки на груди. Тонкая, дорогая ткань его черной рубашки заметно натягивалась на широких рельефных плечах при каждом размеренном вдохе, а расстегнутые верхние пуговицы открывали вид на смуглую кожу шеи. Там, у самого основания ключиц, я заметила едва уловимое, гипнотическое мерцание золотистых микрочешуек — верный знак того, что первобытный дракон внутри него сейчас бодрствует и очень внимательно, сквозь призму хищных инстинктов, наблюдает за каждым моим вздохом.

— Академический комендантский час начался ровно сорок минут назад, адептка Валуа, — его низкий, бархатистый голос прозвучал в тишине с той самой вибрирующей, рокочущей ноткой, от которой тонкие волоски на моих руках мгновенно встали дыбом. — Для человека, который еще вчера клятвенно обещал устроить мне персональный ад на земле, вы на удивление беспечно пренебрегаете правилами собственной безопасности. В этих древних базальтовых коридорах по ночам бродят далеко не только безобидные тени.

Я изо всех сил крепче перехватила кожаный ремешок своей сумки, физически чувствуя сквозь ткань тяжесть написанного в библиотеке эссе, и сделала уверенный, смелый шаг вперед — прямо навстречу этому обжигающему, сухому жа-

ру, который осязаемыми волнами расходился от его сильно-го тела.

— Я была в центральной библиотеке, лорд Арксандер. Исключительно выполняла ваше личное задание. Дотошно изучала древние трактаты, чтобы завтра на паре порадовать вас безупречным, глубоким пониманием предложенной темы.

Я остановилась ровно в двух шагах от него. Ближе подойти было тяжело даже на физическом уровне — воздух вокруг Райана сейчас пах настоящей предгрозовой бурей, озоном и раскаленным пустынным песком. Дышать в этом невидимом мареве с каждым мгновением становилось всё труднее.

Он медленно, с кошачьей грацией отлепился от каменной стены. Его огромный рост и широкие плечи подавляли, заполняя собой всё пространство узкого прохода. Мне приходилось высоко, до предела задирая подбородок, чтобы просто смотреть прямо в его полыхающие глаза.

— Ты слишком бледная, Элиза, — внезапно сменив холодный официальный тон на пугающе тихий, непозволительно личный, произнес он.

Его большая, горячая ладонь внезапно поднялась и невесомо, едва касаясь, скользнула по моей левой щеке. От этого мимолетного прикосновения по коже мгновенно пробежали обжигающие, покалывающие мурашки, а сердце в груди предательски и громко пропустило удар. Большой палец Райана

медленно, с пугающей нежностью очертил линию моей скулы, смахивая невидимую пылинку.

— Ты не воспользовалась обсидиановым камнем сегодня, — это был не вопрос, а глухое, недовольное утверждение. В глубине его золотых глаз на секунду мелькнула опасная вспышка раздражения. — Твой внутренний магический резерв не восстановлен даже до половины. Тот щит отрицания, который ты столь самонадеянно поставила на полигоне против огненного шара, выпил из тебя слишком много жизненных сил.

— Мои магические силы и мое здоровье — это исключительно моя забота, господин ректор, — я резко дернула головой в сторону, сбрасывая его тяжелую ладонь, хотя внутри всё сжалось от внезапной, болезненной потери этого обжигающего тепла. — Я не собираюсь принимать от вас никакие подачки. Ни редкие камни, ни ваше мнимое снисхождение.

Райан коротко, хрипло рассмеялся, и в этом гортанном звуке было столько первобытной, чисто хищной и собственной нежности, что мне впервые стало по-настоящему страшно. И страшно не его самого, а своей собственной, неконтролируемой телом реакции на его близость.

— Это не подачка, моя маленькая колючая леди. Это долгосрочная, стратегическая инвестиция, — он наклонился ко мне так близко, что его горячее дыхание с привкусом табака коснулось моих губ. — Ты нужна мне абсолютно живой, здоровой и полной сил. Береги себя, Элиза. Потому что ес-

ли ты завтра упадешь в голодный обморок от истощения посреди двора, мне придется лично, на глазах у всей академии носить тебя на руках. Спокойной ночи, адептка.

Он плавно отстранился, развернулся на каблуках и стремительно зашагал прочь по длинному темному коридору. Густая ночная тьма, казалось, почтительно и послушно расступалась перед его высокой фигурой. Я еще долго стояла, намертво прижавшись спиной к прохладному дереву двери своей комнаты, и судорожно пыталась выровнять рваное дыхание, пока гулкие, размеренные шаги лорда-ректора окончательно не затихли в лабиринтах академии.

Следующий учебный день начался с угнетающего, свинцового неба. Вековые вулканы, плотным кольцом окружающие тектоническую котловину академии «Драконис», недовольно курились густым, жирным серым дымом, а в сухом воздухе отчетливо висел горький привкус свежего пепла.

После быстрого завтрака в общей столовой наша группа вновь послушно собралась в огромном, продуваемом ветрами Амфитеатре Древних Свитков. На этот раз лекцию вел профессор Бронз — невероятно тучный, пожилой и покрытый шрамами дракон из консервативного клана Черной Скалы. Он говорил настолько медленно, монотонно и хрипло, что добрая половина измученных первокурсников откровенно клевала носом на парты уже на пятнадцатой минуте его повествования.

В самом конце занудного занятия староста курса быстро

собрал наши пергаменты с эссе. Когда я отдавала в его руки свой туго свернутый свиток, намертво перевязанный грубой суровой ниткой, внутри меня шевельнулось мрачное, злорадное удовлетворение. Мой текст был настоящей ментальной бомбой замедленного действия, подложенной под авторитет ректора.

Развязка этой тихой провокации наступила куда быстрее, чем я вообще могла предположить. Едва мы с Миной вышли во внутренний мощный двор, искренне собираясь быстро перекусить перед сложной практикой по алхимии, как дорогу нам резко преградил высокий, неестественно худой и бледный секретарь ректора, одетый в безупречную черную суконную ливрею с золотым шитьем.

— Адептка Валуа, — его механический голос неприятно скрипел, как несмазанная дверная петля. — Верховный лорд АрКсандер ожидает вас в своем рабочем кабинете. Немедленно. Пройдемте со мной.

Мина мгновенно побледнела, став в цвет штукатурки, и до боли сжала мою ладонь.

— Эл Мерлин, это точно из-за твоего дерзкого эссе? Неужели он его уже прочитал?!

— Вот сейчас и узнаем, — максимально спокойно и ровно ответила я, хотя внутри всё мгновенно сжалось в один тугий, болезненный нервный узел. — Иди на алхимию без меня, Мина. Я догоню, как освобожусь.

Кабинет лорда-ректора располагался на самом верхнем,

недоступном для простых студентов этаже монументальной Главной Башни. Секретарь молча, чеканя шаг, довел меня до массивных двустворчатых дверей из редкого черного дерева, сплошь украшенных глубокой, искусной резьбой в виде яростной схватки двух древних драконов. Он коротко, церемонно поклонился и буквально растворился в пространстве.

Я сделала один глубокий, успокаивающий вдох, ладонями разгладила несуществующие складки на своей серой форменной мантии и решительно толкнула тяжелые створки. Они поддались на удивление легко и открылись абсолютно бесшумно, без единого скрипа.

Просторное помещение поражало воображение своей суrowой, непреклонной и чисто мужской роскошью:

Были плотно задрапированы тяжелыми, старинными gobеленами глубокого цвета свернувшейся крови.

Пол устилал невероятно густой, бархатистый черный ковер, полностью поглощающий любые, даже самые громкие звуки шагов.

Панорамное окно, занимавшее всю стену позади огромного стола, открывало головокружительный, пугающий вид на бурлящее огненное жерло ближайшего вулкана.

Райан сидел в глубоком кресле за столом, выполненным из монолитного куска темного мрамора. На нем не было официальной мантии, лишь темный, идеально скроенный по фигуре дорогой камзол. В его длинных, сильных пальцах с аккуратными, чуть заостренными на концах ногтями был за-

жат мой развернутый пергамент.

— Проходи, Элиза. Садись, — он не поднял глаз от написанного текста, лишь едва заметно кивнул головой на массивное кресло, обитое дорогой темной кожей, стоящее прямо напротив его стола.

Я сделала несколько бесшумных шагов вперед, но садиться принципиально не стала, оставшись стоять на ногах с идеально прямой спиной и скрещенными за ней руками.

— Вы хотели меня видеть, господин ректор. По поводу моей работы?

Райан наконец медленно оторвал тяжелый взгляд от строчек моего эссе. В его глазах сейчас бушевала самая настоящая, неконтролируемая огненная буря. Чистое золото его радужки потемнело до неузнаваемости, практически полностью слившись с расширившимся вертикальным зрачком зверя. Он аккуратно положил исписанный мной лист на холодную мраморную столешницу.

— «Истинная ментальная связь, основанная на эгоистичной нужде одного существа безраздельно поглощать силу другого, есть не что иное, как изощренная, узаконенная веками форма ментального паразитизма», — вслух, с пугающей, звенящей ледяной интонацией процитировал он самую дерзкую строчку из моей работы. — «Якорь в таком союзе неизбежно превращается в безвольный сосуд, чья единственная и убогая цель — просто не дать дракону сойти с ума от собственного пламени. Это не партнерство двух равных

личностей. Это добровольно-принудительное жертвоприношение».

Он медленно, плавно поднялся из-за своего стола. Каждое его движение было наполнено скрытой, смертоносной грацией матерого хищника. Райан неторопливо обогнул мраморный угол стола и подошел ко мне почти вплотную, заставив меня ощутить его ментальное давление.

— Ты действительно так думаешь, Элизабет? — его низкий голос упал до грозного, вибрирующего шепота. — Искренне считаешь, что я привел тебя в эти стены только для того, чтобы эгоистично использовать как безвольный сосуд для слива ярости? Чтобы принести твою жизнь в жертву моему собственному пламени?

— Я думаю и пишу ровно то, что вижу своими глазами, лорд Арксандер, — глядя прямо в это бушующее золото в его глазах, твердо, без тени страха ответила я. — В ваших же древних текстах сказано прямо и без прикрас: без нас вы медленно сгораете изнутри. Вам жизненно необходим громоотвод, способный гасить вспышки. И вы силой выбрали на эту роль меня.

Райан тяжело, шумно выдохнул сквозь плотно сжатые зубы. Его большие руки сжались в кулаки с такой страшной силой, что костяшки пальцев мгновенно побелели.

— Ты ровным счетом ничего не поняла из этих пыльных, засиженных молью свитков, Элиза. Абсолютно ничего. Ты просто прочитала сухие буквы, но в упор не увидела самой

сути вещей.

Он резко, как мне показалось, угрожающе поднял правую руку, и я инстинктивно вздрогнула, ожидая чего угодно — физического удара или карающей вспышки боевой магии. Но Райан лишь плавно провел ладонью по воздуху между нами.

В то же мгновение массивный мраморный стол позади него внезапно вспыхнул настоящим, ревущим багровым пламенем! Яркий огонь с гулом метнулся к самому высокому сводчатому потолку, в одну секунду подчистую пожирая лежащие на нем бумаги, перья и дорогие чернильницы. Обжигающий, страшный жар резко ударил мне прямо в лицо, заставив инстинктивно отшатнуться на шаг назад.

— Вот что такое мое истинное пламя, — яростно, с трудом сдерживая клокочущего внутри зверя, произнес Райан, легко перекрывая гул бушующего огня. — Оно слепо уничтожает и обращает в пепел абсолютно всё на своем законном пути.

Затем он сделал один стремительный шаг ко мне, железной хваткой перехватил мою руку и, не дав мне ни секунды на то, чтобы опомниться или вырваться, с силой прижал мою холодную, мелко дрожащую ладонь прямо к своей широкой груди — туда, где под слоями дорогой ткани камзола гулко, мощно и запредельно быстро билось его сердце.

— А вот что в это же самое мгновение делаешь ты, — едва слышно прошептал он.

В ту же секунду ревуший, уничтожающий костер на мраморном столе за его спиной послушно опал, мгновенно превратившись в ровное, мягкое и абсолютно безопасное сияние, больше похожее на свет углей в домашнем камине. Удушаяющий жар исчез, сменившись приятным, обволакивающим и согревающим теплом.

— Ты не рабыня и не сосуд, Элиза. Ты — укротительница этого огня. Единственная в мире, кто может держать этого дикого зверя на прочной цепи, абсолютно не ломая при этом свою собственную суть. Но если ты и дальше продолжишь упрямо видеть во мне лишь тирана из своих старых учебников истории, мы оба гарантированно проиграем эту войну.

Моя ладонь всё ещё оставалась плотно прижатой к его груди. Я на физическом уровне ощущала, как под слоями тонкого шелка камзола и льняной рубашки бьётся его сердце — тяжело, размеренно, словно ритмичные удары огромного боевого барабана. Жар, исходивший от его тела, больше не пугал и не обжигал мне кожу. Он мягко окутывал меня со всех сторон, проникая сквозь поры кожи и волшебным образом успокаивая бешено колотящийся пульс в моих собственных венах.

Я смотрела снизу вверх в его глаза, и впервые за всё время нашего знакомства не видела в них привычной, раздражающей надменности верховного лорда империи. Там была только обнаженная, пугающая своей глубиной искренность.

— Это всё равно принципиально не меняет сути, Рай-

ан, — мой собственный голос предательски дрогнул, сорвавшись на тихий полусшепот.

Я медленно, с огромным внутренним усилием воли отняла свою ладонь от его груди, словно насильно отрывая от себя часть этого тепла, к которому уже успела привыкнуть за эти минуты.

— Ты сейчас наглядно показал мне сильную магию. Очень красивый, зрелищный фокус, наглядно доказывающий, что моя человеческая аура чисто биологически работает как идеальный огнетушитель для дракона. Но где во всей этой сложной схеме заложено место для простых человеческих чувств? Для свободы выбора?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.